

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

16+

Ив Престон

#ПОТЕРЯННЫЕ ПОКОЛЕНИЯ

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

#ONLINE-бестселлер

Ив Престон

#Потерянные поколения

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Престон И.

#Потерянные поколения / И. Престон — «АСТ»,
2016 — (#ONLINE-бестселлер)

ISBN 978-5-17-095535-0

Мы живем ожиданием войны. Мы потеряли свои семьи и дом, когда враг захватил наш город, ослабленный детской эпидемией. Но нас, детей, которых успели оградить от вируса, спасли и спрятали в системе заброшенных бункеров. На подготовку нашего возвращения ушли долгие годы, и сейчас армия Корпуса почти готова к сражению. У меня были веские причины недолюбливать Корпус, но я даже не могла предположить, что однажды вступлю в его ряды по собственной воле... «Потерянные поколения» – это роман о мире, утратившем свое прошлое и живущем лишь надеждой на будущее. О войне, которая еще не началась, но уже затронула жизнь каждого.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095535-0

© Престон И., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

# Пролог	6
Часть I. Смотритель	7
# Глава 1	7
# Глава 2	16
Часть II. Кандидат	26
# Глава 1	26
# Глава 2	31
Часть III. Курсант	39
# Глава 1	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ив Престон

#Потерянные поколения

© И. Престон, 2016

© Дмитрий Агеев, фотография на обложке, 2016

www.ageevphoto.com e-mail: pro-fotos@mail.ru

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Толпа. Он ее не мог видеть – стенки камеры все еще были матового молочно-белого цвета. Но он знал, что там, снаружи, уже собрались все жители города.

Они пришли, чтобы увидеть его казнь.

Он не испытывал страха, ведь он был готов к этому, знал, что его могут поймать. Но прошло уже столько лет – и он расслабился, потерял бдительность, позволил себе думать, что его перестали искать.

Белый цвет, окружающий пленника, отступил, рассеялся, и камера стала прозрачной. Он вскочил на ноги. Тело затекло – слишком долго лежал в одной позе, – и он потянулся, с наслаждением, до хруста в костях. Зачем беспокоиться об этикете, если тебя казнят через пару минут? Не самое удачное время отказывать себе в маленьком удовольствии.

Он был прав: все уровни заполнены до отказа, даже детей из Школы привели, еще бы, такой повод...

Весь город здесь. Значит, у него есть шанс увидеть ее, она должна быть вместе со Смотрителями. Он прошелся взглядом по уровням: Школа, балкон Совета, Нулевое поколение, уровни Корпуса... Он должен найти ее, увидеть в последний раз... Вот и уровень Смотрителей.

Шипение. В камеру запустили процин. Теперь времени почти не осталось.

Их не так уж и много, людей в зеленых комбинезонах, поэтому он быстро находит нужного ему Смотрителя. Он ей столько должен был рассказать, должен был как-то предупредить... Но все эти годы он просто наблюдал за ней, думал, что еще не время, никак не мог набраться смелости – и откладывал этот разговор раз за разом.

Он смотрит на нее, впервые за последние годы видя не на экране видеонаблюдения, а живую, пусть и с такого расстояния. Ей уже восемнадцать. Темно-русые волосы удлинились, выражение заострившегося лица стало серьезнее... Она почему-то вертит головой, оглядывается по сторонам, хотя сейчас всеобщее внимание приковано к Министру, читающему речь, – будто ищет кого-то. Она поворачивается – и он встречает ее взгляд. Память дорисовывает детали, которых он не может увидеть: большие серо-голубые глаза, родинка под левым глазом...

Он ловит себя на том, что улыбается, и поспешно отводит взгляд. Слишком опасно смотреть на нее сейчас, когда за ним наблюдает весь город, ведь ее могут вычислить...

Дышать все труднее, мысли уже теряют связность. Он заходится в приступе кашля, каждым судорожным вдохом приближая финал всего действия. Кажется, все закончится быстро – на процин сегодня не поскупились. Голова кружится, и он садится на пол. Глаза сами закрываются. Он устал, так устал...

Они ее не найдут, потому что ничего о ней не знают. Он не смог ее предупредить – но успел все сделать для того, чтобы ее не нашли. Она в безопасности.

Пока она среди Смотрителей – она в безопасности. Он спрятал ее секрет.

Часть I. Смотритель

Глава 1

Долгожданное письмо.

На конверте стоит круглая печать Совета Арголиса. Присматриваюсь, пытаюсь прочесть, что на ней написано, но это бесполезно. Чернила расплылись – бумага слишком плохая, но даже такую, грязно-коричневую, полученную из переработанного уже во второй или третий раз сырья, тяжело раздобыть в подземном городе.

Вскрываю конверт. «Советник Моро ознакомился с вашим запросом». Та к начинается письмо. «В настоящее время у Совета нет возможности ответить на него положительно. Мы ценим ваше внимание к данной проблеме, но в силу обстоятельств...»

Проклятье. Мне отказали уже в пятый раз. Я не читаю дальше, потому что и так знаю, что там написано, ведь каждый раз они пишут одно и то же, только разными словами. «Мы ценим твою заботу о силентах, Арника, но ты там прекрасно справляешься и без посторонней помощи. Ах, да, за последние полгода в твоей рабочей группе силентов было всего лишь три тяжелых травмы, но это очень, очень низкие показатели. И ни одной смерти в группе за последние годы – а посмотри, что у других творится! Ты отличный Смотритель, дорогая Арника, продолжай в том же духе, тебе вовсе не нужен помощник, поэтому мы его тебе и не дадим».

За спиной что-то шуршит.

Оборачиваясь, задеваю локтем чашку, стоящую на моем рабочем столе. Я успеваю ее поймать и только потом осознаю: она бы не разбилась, ведь это теплица, здесь под ногами не бетонный пол, а земля, мягкая земля. Но я не могу позволить себе расслабиться, я всегда должна быть начеку, ведь в этом и заключается моя работа.

Поставив чашку на стол, я перевожу взгляд на силента, стоящего рядом со мной. Гаспар явно чем-то обеспокоен. Он поднимает правую руку, дважды постукивая раскрытой ладонью по груди, а затем касается двумя пальцами виска. *Посмотри на меня*. Потом поворачивает голову, и вслед за ним я смотрю на остальных силентов. Они все перестали убирать инвентарь, стоят и смотрят на меня. Они ни в коем случае не должны видеть, как сильно я расстроена. Это их испугает. Поэтому сейчас мне нужно показать, что все в порядке. Глубоко вдохнув, я повторяю жест Гаспара и улыбаюсь как можно искренней – сначала Гаспару, а потом остальным силентам, и они возвращаются к уборке.

Силенты. Все они намного взрослее меня, самому старшему – шестьдесят, самому младшему – двадцать девять. Но для меня они как дети. Такие же наивные и искренние, такие же беззащитные. У каждого из них прежде была своя жизнь, своя история, но все их истории обрываются одинаково.

Прогин, ядовитый газ, отравивший нашу атмосферу. Прогин лишил их голоса и воспоминаний.

Силентов часто называют «погасшими», потому что в них угасли все эмоции, и они больше ничего не чувствуют. Но это не так. Проработав с ними четыре года, я научилась различать малейшие проявления их эмоций – они все еще есть, просто стали намного тише. Каждый день я стараюсь говорить с силентами как можно больше. Они не могут мне ответить – но, всматриваясь в их лица, я вижу реакцию – едва заметную, но я вижу ее, вижу, как они хмурятся или улыбаются.

Моя группа всегда работает в теплицах. Работа, которую они выполняют, важна не только для всего Арголиса, но и для самих силентов. Бездействие значительно ухудшает

их состояние – они словно еще глубже уходят в себя, совсем переставая реагировать на окружающий мир. К тому же silent-ы не всегда осторожны и могут пораниться во время работы. Моя обязанность – наблюдать за ними, помогать им, направлять и защищать. Я стала Смотрителем в четырнадцать, сразу после Школы. Тогда эта группа silent-ов была немногочисленной, всего лишь пятнадцать человек, и мне помогал еще один Смотритель. Теперь, четыре года спустя, в группе двадцать три silent-а. А я одна.

Я проверяю, правильно ли сложен инвентарь, а затем, подняв руки, дважды хлопаю в ладоши. Это тоже сигнал – silent-ы выстраиваются в колонну по трое. Я окидываю их взглядом, проверяя, все ли на месте, и после этого мы покидаем теплицы.

Когда мы спускаемся на жилые уровни, у лифта нас встречает Дина – нескладная светловолосая девчушка. Ей почти четырнадцать, и она заканчивает последний Школьный год. Дина наблюдает за моими silent-ами в то время, когда они не заняты работой. Она даже живет в общем блоке вместе с теми silent-ами, у которых нет семьи. Дина еще не Смотритель, но собирается им стать.

И я уважаю ее за это решение.

Мы идем на ужин, и только у дверей столовой я вспоминаю, что оставила рабочий планшет в ящике стола. Очень не вовремя, ведь именно сегодня нужно зайти в техотдел на обязательную проверку. Поспешно извинившись перед Диной, бегу к лифту. Обычно я не страдаю забывчивостью, но сегодня явно не мой день. Я не могу позволить себе лишиться планшета: в нем все личные дела группы, все мои записи. Планшет достался мне чудом – с большим трудом выторговала его у Ефима, заведующего техотделом, пообещав, что каждый месяц буду приносить его на проверку.

Но мне пришлось выполнить еще одно условие – взять нового silent-а. «Я буду гораздо меньше беспокоиться о своей матери, если ее переведут в твою группу», – сказал тогда Ефим. И он не единственный, кто заметил, что я хороший Смотритель.

Подхожу к столовой. Девушка, проходящая мимо, задевает меня плечом. Сделав еще пару шагов, она останавливается и возвращается ко мне, улыбаясь. Мне приходится подавить желание закатить глаза – именно сейчас, когда мое настроение испорчено очередным отказом и я не желаю никого видеть, я встречаю Риту.

– А-арника-а, – протяжно произносит она, рассматривая меня. – Давно не виделись.

Под ее пристальным взглядом я ощущаю некоторую неловкость. О, могу представить, как выгляжу сейчас – после дня в теплицах даже умыться как следует не успела. Моя рабочая форма Смотрителя, сшитая из грубой зеленой ткани, уже сильно поношена и выцвела от многочисленных стирок. На ней заплаты и пятна, которые ничем не вывести – а новую форму я смогу попросить только в конце следующего месяца. На Рите же – легкий тренировочный костюм рекрута с эмблемой Корпуса на рукаве. Точно в таком же костюме ее подруга, которая подошла к нам и сейчас с любопытством разглядывает нас обеих.

– Не знала, что ты дружишь со Смотрителем, – обращается она к Рите.

– Мы учились вместе последний Школьный год. Ты иди, я тебя догоню, – рассеянно отзывается Рита, и ее подруга уходит.

Рита продолжает рассматривать меня.

– Почему ты застряла в Смотрителях? Ты же вроде хорошо училась в Школе... – В ее голосе звучит сочувствие, и, кажется, оно даже не притворное. – Отборочные тесты для вступления в Корпус не такие уж и сложные.

«Конечно. Тебя ведь приняли», – чуть не вырывается у меня, но я вовремя сдерживаюсь. Рита никогда мне особо не нравилась, но все-таки не стоит срывать на ней свое плохое настроение. Не она мне его испортила.

– Я проходила только распределительный тест после окончания последнего Школьного года. Меня определили к Смотрителям, и я решила остаться с ними. А от отборочных тестов Смотрителей освобождают, – терпеливо поясняю я.

– Но ведь ты сама можешь пойти. – Рита хмурится. – Приемная кампания продлится до конца этой недели, и здесь совсем рядом есть пункт тестирования. Меня послали забрать оттуда какие-то файлы, и я могу проводить тебя туда хоть сейчас, если ты...

– Я не хочу в Корпус, – перебиваю я ее.

Рита всплескивает руками:

– Как ты можешь не хотеть в Корпус? – На нас начинают оглядываться, и она понижает голос. – Ты же понимаешь, это... могут счесть малодушием.

Последнее слово она произносит совсем тихо. Бедная Рита. Я вижу – она боится этого слова. Боится того, что за ним может последовать, и это значит, что она не уверена в самой себе. Я хорошо помню, что ее взяли в Корпус года три назад – но она до сих пор в форме рекрута, новобранца. Я чувствую к ней что-то похожее на жалость.

– Я не хочу в Корпус, потому что мне нравится быть Смотрителем, – как можно мягче говорю я, глядя Рите в глаза. – Я забочусь о силентах. Это – моя помощь Свободному Арголису, моя работа. И я не думаю, что она менее важна, чем то, что делает Корпус, пусть все вокруг и считают по-другому. – Я вздыхаю, вспомнив про письмо от Совета. Поэтому и не хватает людей – именно из-за Корпуса мало кто хочет становиться Смотрителем.

– Но ведь ты можешь...

– Не беспокойся за меня, – стараюсь я улыбнуться.

Мимо нас проходит большая группа силентов. Рита провожает их взглядом. Она редко их видит – уровни Корпуса находятся намного выше, и силентам там нечего делать.

– Они... странные, – говорит она после паузы. – Мне всегда не давала покоя мысль, что среди силентов может быть моя мать. Или отец, или брат... И я даже не узнаю о том, что они здесь, не смогу их найти, – Рита тяжело вздыхает.

– Данные о твоей семье были утеряны во время Бунта малодушных? – вспоминаю я.

Рита кивает, продолжая смотреть на силентов.

– Мне уже нужно идти, – говорит она с сожалением.

Я ей улыбаюсь:

– Надеюсь, в следующий раз увижу тебя уже в форме курсанта.

На это она качает головой и вновь вздыхает. Вдруг мне на ум приходит одна идея. Делаю шаг вперед.

– А если не выйдет, – говорю я ей почти на ухо, – тогда приходи к Смотрителям. Конечно, тебе придется сменить форму рекрута на этот ужасно неудобный зеленый комбинезон, и в спину иногда будут шипеть, но... В этой работе есть свои плюсы. Да и после подготовки в Корпусе тебе будет проще работать с силентами.

Рита долго смотрит на меня. Вижу, мое предложение сбило ее с толку. Затем она несмело улыбается.

– Спасибо тебе, Арника, – тихо говорит она и уходит.

После Школы Риту, если правильно помню, распределили в Хранилище. В рекруты набирают только после года работы на благо Арголиса. Рита все еще рекрут – значит, половину дня она по-прежнему проводит в Хранилище, а другую половину – на подготовительных занятиях в Корпусе.

Мне жалко Риту. Она совсем не подходит для Корпуса. Наверное, для нее самой это уже очевидно. Я помню ее в Школе: она всегда была веселой и немного заносчивой, чем мне и не нравилась. Теперь же от ее веселья не осталось и следа. Но она все еще рекрут – а это значит, что Рита может изменить свое решение, покинуть Корпус, навсегда вернуться в Хранилище. Курсанты уже не имеют такого выбора.

Корпус, Корпус, Корпус...

Оттуда уходят очень редко. Среди жителей Арголиса мирные специальности не пользуются популярностью. Хотя, пожалуй, есть одно исключение, а именно медики, но многие врачи и медсестры также закреплены за Корпусом.

И в этом есть своя логика.

Чем скорее Корпус подготовит армию, тем скорее наступит день, когда мы сможем вернуться домой. Я понимаю это – но все равно злюсь на Корпус.

Ведь именно из-за него Смотритель – это номер один в списке самых непопулярных профессий.

Отборочные тесты для вступления в Корпус обязательны для всех – но только не для Смотрителей. Рекрутство и наша работа несовместимы, ведь Смотритель постоянно должен находиться рядом со своими подопечными. Но намного важнее то, что если в рабочей группе меняется Смотритель, то silentам нужно много времени, чтобы привыкнуть к новому человеку. Для них частая смена лиц слишком болезненна, поэтому Смотрителей освободили от всех обязанностей перед Корпусом.

«Трусиха, – могу услышать я у себя спиной, если мне вдруг вздумается выйти за пределы уровня Смотрителей. – Сбежала к Смотрителям, чтобы не идти в Корпус».

Но хуже всего, когда слышишь: «Посмотрите-ка на эту малодушную».

Нет ничего хуже, чем обвинение в малодушии. *Незаслуженное* обвинение в малодушии.

Конечно, не все так относятся к Смотрителям, но неприязни оказывается достаточно, чтобы исчезло желание без особой необходимости покидать свой уровень. Здесь тихо и спокойно. Тут все свои.

Я захожу в столовую. Silent за стойкой протягивает мне поднос с едой. Благодарю его, но silent на это никак не реагирует. Я осматриваю зал. Моя группа silentов еще здесь, вместе с Диной, но я не ее ищу.

Микелина замечает меня первой и, подзывая, машет обеими руками. Она сидит в окружении своих подруг-медсестер. Я ей улыбаюсь, делаю шаг – и тут замечаю нечто, что заставляет меня остановиться.

Рядом с Микой сидит профайлер.

Это девушка, на вид моя ровесница, не старше. Белая одежда, которую носят лишь профайлеры, длинные седые волосы, отстраненный вид. Первая мысль: что профайлер делает здесь, на жилом уровне silentов? Потом догадываюсь: наверное, она из того приемного пункта Корпуса, о котором говорила Рита.

Обычно мне незачем избегать встречи с профайлером. Мне нечего скрывать. Но сегодня особый случай.

Мика смотрит на меня, и в ее взгляде читается вопрос. Я кивком указываю на профайлера и качаю головой. Мика хмурится, а затем, сказав что-то подругам, берет свой поднос и направляется ко мне. Тем временем я нахожу для нас свободное место.

– Ты села подальше от профайлера. Что-то случилось? – Она обеспокоена.

– Письмо из Совета, – коротко отвечаю я.

– Снова отказали?

– Ага. Поэтому сейчас я злюсь. На Совет, на Корпус... Профайлер может это почувствовать.

– И неправильно понять, – договаривает за меня Мика. Мы обе знаем, что со мной произойдет в таком случае.

* * *

Профайлеры – настоящее воплощение Справедливости.

Их неожиданное возникновение походило на чудо, которое во многом упростило существование Арголиса. Если не обращать внимания на их седые волосы, то в своем обычном состоянии они даже похожи на силентов: профайлеры почти не говорят, и у них такой же отсутствующий вид. У них даже есть свои Смотрители, хоть профайлеры и более самостоятельны – за ними не нужно постоянно присматривать, как за силентами.

Но есть одно большое отличие: профайлеры способны считывать мысли и чувствовать эмоции окружающих. Если эмоции слишком сильны, профайлер даже может заговорить, озвучивая те мысли, которые он воспринимает.

Они присутствуют на всех тестах и экзаменах. Благодаря им появилась возможность раньше окончить Школу. Сейчас «последний Школьный год» – это всего лишь название. Пр продемонстрируй профайлеру, что освоил весь школьный курс – и можешь идти дальше. Но вот если проф посчитает, что ты схалтурил – добро пожаловать обратно на школьную скамью, тебе предстоит еще один *последний* Школьный год.

С появлением профайлеров изменились и взгляды на преступления. Теперь за одним и тем же незаконным поступком могут последовать совершенно разные меры наказания. Все зависит от того, почему человек нарушил закон, признает ли он свою вину и раскаивается ли в содеянном. Я читала, что раньше могли наказать невиновного, а настоящий преступник, наняв хорошего защитника, мог выйти на свободу. В Свободном Арголисе слово «правосудие» обрело свое истинное значение.

Конечно, почувствуй профайлер мое состояние, не случилось бы ничего непоправимого. Меня бы забрали помощники Справедливости и отвели в полицейское отделение Корпуса для разбирательства. На допросе профайлер бы выяснил, что я, конечно же, не имею никакого отношения к предателям-малодушным, ничего не замышляю против Совета, а всего лишь расстроена из-за письма.

Микелина слегка толкает меня локтем в бок, и я вздрагиваю от неожиданности.

– Извини, задумалась, – честно признаюсь ей.

Она толкает меня снова, улыбаясь.

– Ты все прослушала. Я говорила о том, что никто в Совете не обратит внимания на твои письма, пока кто-нибудь не пострадает.

– Я тоже думала об этом, – вздыхаю я. – Кажется, только несчастный случай заставит их задуматься... – И умолкаю. Пугающая мысль приходит мне в голову. – Подожди, Мика, ты же не предлагаешь...

Та даже поперхнулась от возмущения.

– Совсем спятила? Твои силенты... Да я переживаю за каждого из них!

Это правда – она заботится о моих силентах, залечивая даже безобидные царапины. Микелина уже спасла несколько жизней.

Но сейчас, помимо возмущения, я вижу в ее глазах нечто большее. После силентов, в чьи лица нужно всматриваться, чтобы уловить едва различимые проявления эмоций, обычные, здоровые люди кажутся мне слишком *громкими*. Их лица для меня как открытые книги, и я могу читать их. И мне не нужно быть профайлером, чтобы понять, что Микелина боится – я *вижу* этот страх на ее лице, *вижу*, как она боится, что однажды ей придется спасти Гаспара, своего старшего брата.

– Так что ты хочешь предложить? – интересуюсь я.

Мика хитро улыбается в ответ. Она напоминает мне о силенте, которого перевели в мою группу пару месяцев назад: оказывается, он приходится родственником Советнику по

вопросам Справедливости. Улыбка Мики становится шире, когда она предлагает мне в следующем письме тонко намекнуть на то, что этот силент слишком неосторожен и может пораниться – ведь у меня такая большая группа, а глаз на затылке, чтобы уследить за всеми, нет.

– Или же напиши сразу Советнику по вопросам Справедливости, что беспокоишься о его родственнике, и он сам все сделает за тебя, – заключает Мика. И добавляет: – Хорошо я придумала?

Я улыбаюсь. «Так и сделаю», – хочу сказать Микелине, но тут громкий звук сирены заставляет меня вздрогнуть всем телом. Все, кто находится в столовой, начинают спешно подниматься из-за столов. Один гудок предупреждает о временном отключении электричества на уровне. Я бросаю взгляд в сторону Дины, которая уже выводит силентов. Замечаю, что Гаспар смотрит в нашу сторону. Киваю ему, и он уходит вместе с группой. Звук сирены повторяется, затем раздается еще раз. Мы с Микой переглядываемся.

Три гудка. Это значит, что через полчаса всем жителям Свободного Арголиса следует собраться в западном атриуме, в Просвете.

Три гудка обозначают публичную казнь.

* * *

Выход к Просвету находится недалеко от столовой, и я прихожу одна из первых. Запрокидываю голову, желая посмотреть наверх в надежде увидеть небо, – но прозрачный потолок атриума закрыт щитом. Его открывают только по праздникам.

А для меня праздник – возможность увидеть солнечный свет.

Просвет, западный овальный атриум, объединяет сразу несколько уровней. Он достаточно большой, чтобы жители Свободного Арголиса могли собираться здесь. Или же это нас слишком мало, приходит мне в голову, пока я рассматриваю людей на других уровнях. Нет ни силентов, ни профайлеров – им незачем находиться тут. Зато Корпус повсюду – я узнаю форму рекрутов и курсантов. Их уровни уже почти заполнены, несмотря на то, что до казни остается еще минут десять. Балкон Министра еще пуст, как и весь уровень Совета.

Раздается скрежет. Прислонившись к колонне, я смотрю вниз. С нижнего уровня медленно поднимается полупрозрачный куб. Я вижу фигуру внутри куба: там на стеклянном полу, заложив руки за голову так, словно он решил отдохнуть, лежит человек.

Шум голосов усиливается. Посмотрев на уровень Совета, я понимаю, в чем причина: прибыл Министр. И Совет в полном составе, все семь Советников.

Ни одна казнь на моей памяти еще не собирала весь Совет. Тем временем и люди продолжают прибывать. Даже обычно пустующие уровни сейчас заполнены. На уровнях Корпуса мелькают синие комбинезоны техников и инженеров – они тоже здесь, хотя обычно их невозможно отвлечь от работы. Я вижу, что и Школа здесь, и учителя, и дети из группы последнего Школьного года. Даже детей привели сюда сегодня.

Шум затихает в одно мгновение: Министр встает, поднимает руку – и воцаряется тишина. «Мы не можем позволить себе малодушие», – говорит он, и весь Свободный Арголис повторяет эти слова. Затем Министр переходит к истории нашего города. Сегодня здесь присутствуют дети, которые впервые увидят казнь малодушного, и, наверное, именно поэтому Министр начинает издали.

Когда-то давно на нашем континенте располагалось множество стран, населенных разными народами. Но эпоха стихийных бедствий – бесконечная череда землетрясений, наводнений и цунами – уничтожила весь прежний порядок, весь Старый Мир. Уцелела лишь десятая часть населения. Катастрофы сплотили людей, и какое-то время казалось, что все плохое осталось позади. На месте основных эвакуационных центров выросли крупные города-государства. Арголис стал одним из трех таких полисов. Благодаря его удачному местоположе-

нию, земли Арголиса почти не затронули наводнения и землетрясения. Лишь в нашем городе сохранились поля и многовековые леса.

Другие полисы располагались на пострадавших землях. Самым крупным был Турр, и когда его ресурсы истощились, он решил захватить нас. Нам пришлось защищаться, и так начались бесконечные войны за территорию и ресурсы.

Всегда, когда думаю об этом, я начинаю злиться. После всех бед, которые нам пришлось пережить по воле природы, после того, как стихийные бедствия унесли миллионы, миллиарды жизней, люди развязали войну, как будто и не было этих утрат. Природа всеми силами пыталась стереть нас с лица земли, но у нее это не получилось – так давайте сами примемся уничтожать друг друга, почему бы и нет, это так просто, ведь нас осталось совсем немного...

Третий город-государство, Терраполис, предпочел остаться в стороне. Это был город процветающей науки. Предвидя усложнение ситуации, Терраполис начал строить комплекс бункеров – настоящий подземный город, способный вместить в себя все трехмиллионное население.

Но бункеры ему так и не понадобились.

Терраполис не успел спастись. Он стал случайной жертвой чужой войны. В своем противостоянии Арголис и Турр зашли слишком далеко, пустив в ход оружие массового поражения. И они потеряли контроль.

До сих пор неизвестно, какой из воюющих городов проводил те испытания в заброшенных землях. Кому-то пришло в голову использовать технологию из Старого Мира установку, которая применялась для разгона протестующих. Она генерировала особую электромагнитную волну, вызывавшую у человека болевой шок. Кто-то решил усилить воздействие – и нашел способ увеличить мощность этой волны в несколько раз. Но этот «кто-то» ошибся в расчетах.

Установка взорвалась во время испытания, уничтожив всех, кто над ней работал. Но она успела сгенерировать мощную волну. Терраполис оказался первым городом на ее пути. У всех полисов уже тогда имелись внешние щиты на случай песчаных бурь или ураганов, но Терраполис не успел поднять их.

Несколько мгновений – и целый город перестал существовать.

Волна дошла и до других полисов, но они, получив сигнал из умирающего Терраполиса, смогли защититься.

После такой страшной трагедии война не могла продолжаться. Гибель Терраполиса изменила все, в том числе и воздух, сделав его ядовитым. Цепь техногенных катастроф в умирающем городе привела к необратимому изменению состава атмосферы – воздух стал опасным для жизни людей. Теперь в нем содержится процин – губительное для человека вещество.

Осознав, к чему привело их противостояние, Турр и Арголис заключили мирный договор, Нерушимый пакт. Солдаты Турра и Арголиса вместе хоронили три миллиона жертв их вражды. Ядовитый воздух стал еще одним напоминанием о том, как дорого людям обошлась война. Несколько десятилетий прошли в мире, без единого намека на новые конфликты. Казалось, что мирный договор на самом деле нерушим.

Нападение было подлым. Арголис ослабила эпидемия среди детей. Для маленьких детей заражение в большинстве случаев заканчивалось быстрой смертью. Министр не произносит этого вслух, но все и так знают, что вирус создал Турр. Дети – самая выгодная мишень, поразив ее, можно добиться всего что угодно. Арголис, охваченный паникой из-за детских смертей, стал легкой добычей.

Он выстоял в многолетней войне – и был захвачен всего за два дня.

Но нападавшие не учли одного: защищая своих детей, люди способны на любые, даже самые безумные поступки.

Еще до нападения всю группу риска – всех здоровых детей, чей возраст не достиг четырех лет – собрали в городском научном центре, чтобы оградить их от смертельной болезни. Самые лучшие ученые Арголиса вместе с Министром науки и медицины работали там над созданием вакцины. Научный центр находился в глубине города, и когда захватчики добрались до него, он уже был пуст, но в общем хаосе этому не придали значения.

И только позже, когда Арголис был покорен, выяснилось, что все маленькие дети исчезли.

Министру науки и медицины пришлось принять тяжелое решение – покинуть город, чтобы спасти детей, спрятаться в бункерах на территории погибшего Тетраполиса. Но в плане эвакуации было одно затруднение. Арголис окружал фильтр, который защищал горожан от воздействия процина, – но за пределами города воздух по-прежнему был ядовит. В научном центре имелись средства защиты – но для всех их бы не хватило, ведь, помимо ученых, с некоторыми детьми были их близкие.

Процин не убивает, нет, он поступает намного хуже. Вызывая деградацию мозга, он медленно стирает личность. Уже через пару часов вдыхания процина резко ухудшается память, речь становится неразборчивой. День подышишь отравленным воздухом – и даже собственное имя не сможешь произнести.

Но это не остановило родителей, которые хотели защитить своих детей. Любой ценой – даже зная, что ждет их самих в конце пути.

Дорога до бункеров Тетраполиса заняла почти три дня.

Так и появились silent. Наши близкие пожертвовали собой, чтобы спасти нас, и теперь мы должны ответить им тем же. Технологии погибшего Тетраполиса, какими бы развитыми они ни были, не способны обезвреживать процин и избавлять от последствий его воздействия. Только в Арголисе, в *настоящем* Арголисе мы сможем вылечить silent.

Свободный Арголис – это и имя нашего подземного городка, и наша цель.

Министр науки и медицины возглавил нас. Он объединил вокруг себя восемь Советников. Но через несколько лет один из Советников решил, что незачем возвращаться в Арголис, что можно оставить все как есть. Мы занимаем лишь один бункер – а всего их под Тетраполисом тридцать, и в каждом есть законсервированные хранилища с едой, одеждой, предметами быта... Запасов Тетраполиса нам хватило бы на десятки, сотни лет.

Но Министр и семь членов Совета не согласились с восьмым Советником, обвинив его в малодушии. И тогда сторонники малодушного Советника устроили бунт. Они взломали Архив, информационную систему бункера, и удалили схемы всего подземного комплекса. Это позволило им безнаказанно сбежать и спрятаться – система бункеров слишком сложная, и без карты в ней невозможно ориентироваться. Мы не знаем, как отыскать малодушных в лабиринтах подземного города, зато они знают путь к нам. И среди нас есть их сторонники.

Каждый, кто повинен в малодушии, будет казнен. И это справедливо, говорит Министр. Ничто не должно стоять на нашем пути в Арголис.

Мне безразлично, что думают малодушные о возвращении в Арголис, как и то, что они делают, чтобы этого не случилось. Я ненавижу их за другое. Уничтожая схемы подземного города, они повредили файлы с личными делами. Половина silent осталась без прошлого. Мне повезло больше, чем Рите: я знала свою мать, я не потеряла ее.

Министр продолжает свою речь, а я смотрю на куб. Стенки камеры становятся прозрачными, и человек живо вскакивает на ноги. Он потягивается, а затем поворачивается так, что я вижу его лицо.

И я сразу же понимаю, почему его казнь собрала такую толпу. Это не какой-то юнец, нет, человеку в камере уже лет пятьдесят, не меньше. Нулевое поколение. Ученый, судя

по нагрудной эмблеме, нашитой на светлую рубашку. Один из наших спасителей. Весь его внешний вид говорит о принадлежности к элите нашего общества. Что могло толкнуть его на предательство?

Тем временем он поднимает голову. Его взгляд скользит по уровням. Я подаюсь вперед, жадно всматриваясь в лицо заключенного. В нем какая-то неправильность. Этот взгляд... В нем нет страха. Я вижу лишь сосредоточенность.

Обычно в этом кубе люди ведут себя совсем по-другому. Они знают, что их ждет – и боятся этого.

Процин. Двадцать минут в стеклянной камере, заполненной концентрированным процином. Двадцать минут, в течение которых малодушный превращается в силента, чувствуя все то же самое, что чувствовали наши родители, спасая нас. Это намного хуже, чем убийство, и малодушные сполна заслужили такое наказание. Потом бывшего малодушного определяют в рабочую группу силентов, он трудится на благо Арголиса – и не важно, хотел он того прежде или нет.

Я продолжаю следить за направлением взгляда заключенного. Тот явно беспокоится – но не за себя, за кого-то другого. Он пропускает уровни Школы, Корпуса, не уделяет никакого внимания уровням Нулевого поколения и Совета... Он словно ищет кого-то, и это для него очень важно.

В камере начинает клубиться легкий розовый туман. Процин запущен, и, судя по цвету, сегодня его концентрация намного выше, чем обычно.

Цепкий взгляд заключенного останавливается на уровне Смотрителей. Оглядываюсь по сторонам. Кого же ты можешь искать? Я снова смотрю на заключенного – и каменею.

Он смотрит прямо на меня. Нахмуренные брови расправились, на лице не осталось и следа беспокойства. Он смотрит так, словно узнал меня. Могу поклясться, что вижу легкую улыбку перед тем, как он разрывает зрительный контакт. Он зажимает рот руками, и сильный кашель сотрясает его тело: заключенному тяжело вдыхать концентрированный процин. Прокашлявшись, он садится на пол и закрывает глаза.

Кровавые полосы расчерчивают его подбородок, шею, обагрняя воротник рубашки. Кровь из носа – первый симптом. Процин уже действует.

А затем происходит нечто невероятное.

Заключенный медленно похлопывает ладонью по груди. Дважды. Затем двумя пальцами касается виска, словно смахивая мешающую прядь волос.

Жест моих силентов.

Посмотри на меня.

Он приоткрывает глаза. Его взгляд блуждает – процин действует быстро, слишком быстро. У него почти не осталось времени, заключенный и сам это понимает. Его лицо искажается, и, повернувшись в мою сторону, он пытается что-то сказать. Конечно же, я ничего не слышу – но мне достаточно видеть его лицо.

Он выговаривает это с большим трудом.

«Я спрятал твой секрет».

Глава 2

После казни я захожу в блок Микелины.

– Нет, ты видела?! Видела? Малодушный из Нулевого поколения! – Голос у Мики взбудораженный. Она стоит перед запылившимся зеркалом, заплетая свои длинные темные волосы в две косы. – Что же будет дальше? Еще один малодушный Советник?

Хорошо, что Мика не видит моего лица. Я растеряна. Не знаю, что и думать. Может, мне лишь показалось, что заключенный смотрел именно на меня? Что его послание предназначалось мне? Или же он мог спутать меня с кем-нибудь – он ведь смотрел на меня так, словно знал очень давно, словно я важный для него человек. Но я точно не встречала его прежде.

Все знают в лицо большинство представителей Нулевого поколения. Тех, кто благодаря защите не подвергся воздействию процина и не стал silentом, в Свободном Арголисе не так уж и много, не больше полусотни. Среди Нулевого поколения есть не только ученые научного центра, но и родители. Когда распределялись оставшиеся средства защиты, их получили те, кто обладал навыками, которые могли бы пригодиться на новом месте.

– Интересно, что он сделал? Как ты думаешь, Арника? – Мика поворачивается ко мне, поправляя эмблему на своей форме медсестры.

– Разве об этом не сказали? – Рассматривая заключенного, я отвлеклась и прослушала окончание речи Министра, в котором он должен был объявить обвинение.

Микелина хмурится, качая головой.

– Назвали малодушным, обвинили в преступлениях против Свободного Арголиса, и все. Кстати, ты заметила? Процина было слишком много, малодушный сразу стал задыхаться. И народу собралось намного больше, чем обычно, даже детей привели... – Она умолкает, разглаживая складки на форме, а я вновь возвращаюсь к своим мыслям.

Может, мне следует пойти в полицейское отделение Корпуса, в Справедливость? И что я там скажу? Этот плохой человек смотрел на меня и улыбался? Интуиция шепчет мне, что не стоит этого делать, что произошедшее нужно оставить в тайне. Но что будет, если я промолчу, а потом воспоминание об этом эпизоде всплывет в памяти в присутствии профайлера? Соккрытие информации о малодушных, да что там, вообще соккрытие *любой* информации – это уже нарушение закона. «Попытайтесь что-либо утаить от профайлера – это будет расценено как сопротивление Справедливости», – так говорят на каждом допросе.

Тайны для нас слишком большая роскошь.

Мой взгляд падает на небольшую фотографию в незатейливой рамке на столе у Мики. Гаспар, я и Микелина на осеннем празднике в прошлом году.

Сразу бросается в глаза, что Гаспар и Мика брат и сестра: у обоих смуглая оливковая кожа, темные, почти черные волосы и карие глаза. Я стою между ними, и на их фоне выгляжу совсем... блеклой. Вспоминаю, как в тот праздничный день Мика билась с моими тонкими и непослушными русыми волосами, пытаюсь уложить их хоть в какое-то подобие прически.

Я слышу, как Мика что-то роняет, пытаюсь достать коробку с верхней полки шкафа. Наконец ей это удастся, и она вытаскивает из коробки настоящее сокровище.

– Туфли. На каблуках. На дежурство, – замечаю я вслух, наблюдая за тем, как она бережно затягивает ремешки. – Ты для кого так прихорашиваешься?

– У нас на уровне сегодня проверка лечебных модулей. Из Корпуса придет их главный доктор, Константин. – Микелина в сотый раз поправляет волосы и мечтательно улыбается. – Все медсестры в восторге от него, ты бы его видела, Арника! Иногда я даже подумываю согласиться на перевод в Корпус, но... – Она вздыхает. Мика хорошая медсестра, и Корпус уже давно ее приметил, но она не хочет оставлять Гаспара.

– Ты слишком хороша для них, – улыбаюсь я.

Микелина смеется вместо ответа, а затем становится серьезной.

– Ты ведь присмотришь сегодня за моим братом? Не хочу, чтобы Гаспар много времени проводил в общем блоке силентов.

– Что-то не так?

Мика хмурится.

– Другие силенты... Он все меньше и меньше похож на них, ты заметила? – Ее лицо проясняется. – Сегодня в столовой я смотрела на твою группу. Ты меняешь своих силентов, Арника. Они... Они выглядят живее. Особенно Гаспар. Он улыбается мне, представляешь? Легко, едва заметно – но он улыбается, я вижу это! И еще знаешь, в последнее время мне стало казаться... – Она глубоко вдыхает, затем продолжает: – Мне стало казаться, что я вот-вот услышу его голос.

– Мика... – Даже не знаю, что сказать ей сейчас.

Она делает шаг ко мне, всматриваясь в мои глаза.

– Гаспар... Ваши тренировки идут ему на пользу. Благодаря тебе он словно... просыпается. Поэтому я прошу тебя... Продолжай в том же духе, потому что это ему помогает.

Я обнимаю Микелину. Кажется, что она готова расплакаться.

– Тогда приготовься сводить синяки.

* * *

Обычно я иду впереди, а Гаспар следует за мной. Сегодня он обходит меня и оборачивается: догоняй. Принимаю вызов и ускоряю шаг. Так, обгоняя друг друга по очереди, мы добираемся до оранжереи в восточном атриуме.

В бункере, который мы называем Свободным Арголисом, оранжерея – мое самое любимое место. Оранжерея намного просторнее, чем Просвет, хотя и занимает меньшее количество уровней. На потолке размещены световые панели, которые заменяют растениям солнце.

Я глубоко вдыхаю и закрываю глаза. Здесь просто потрясающий воздух. Такой чистый, такой свежий... И легкий запах цветов. Мы с силентами иногда работаем здесь, пару дней в месяц. Будь моя воля, мы бы все время проводили только в оранжерее. Я вижу, как они меняются здесь, среди цветов и деревьев. Думаю, это место напоминает им о прежней жизни. Сколько бы ни говорили, что у силентов нет воспоминаний, я не верю в эту ерунду.

Когда только стала Смотрителем, я проводила все свое свободное время в Архиве: мне хотелось больше узнать о силентах. Архив создавался задолго до того, как воздух отравил процин, поэтому о силентах там нет ни слова. Но из медицинских книг и журналов я узнала, что вызываемые процином изменения в организме – это разновидность деменции, синдрома, при котором происходит деградация способности мыслить. Я читала о болезнях, сопровождаемых деменцией, и поражалась, насколько их проявления сходны с состоянием силентов – и как много у них различий. Еще я запомнила одну статью, о терапии музыкой: для больных включали музыку, которая им когда-то нравилась, и такие сеансы улучшали их состояние.

Они узнавали музыку – вот что важно!

У силентов есть одна особенность – у них хорошая двигательная память, память тела. Их легко научить выполнять какую-нибудь несложную механическую работу. Но благодаря Гаспару я обнаружила нечто интересное.

Это произошло случайно, еще когда я только начала работать с силентами. Мы убрали опавшую листву в оранжерее. В руках у силентов были безопасные грабли, и мы с моей напарницей позволили себе немного расслабиться. Один из силентов случайно чуть было не задел Гаспара длинной рукояткой граблей. Тот среагировал мгновенно – и совершенно неожиданно.

Я видела такое только в Корпусе. Когда была маленькой, я жила на другом уровне. Там иногда проходили тренировки рекрутов, и я бегала смотреть на них. Особенно мне нравились спарринги с деревянными шестами – это было похоже на какой-то волшебный танец, за которым я, затаив дыхание, могла наблюдать часами. Поэтому когда Гаспар поставил блок, встав в защитную позицию, я сразу узнала эти движения. Личный профиль Гаспара был поврежден во время Бунта малодушных, но часть информации удалось восстановить, и я узнала, что брат Мики раньше занимался боевыми искусствами. Нашлась даже фотография: юный Гаспар широко улыбается в камеру, поправляя воротник спортивной куртки. На куртке изображен тигр – символ его школы. Увидев снимок, Мика пришла в восторг; в тот же вечер она где-то раздобыла цветные нитки и попробовала вышить на рабочей форме Гаспара тигра. Гаспару понравилось, хоть получилось и не очень похоже.

В свои шестнадцать лет Гаспар был чемпионом города. Но почему-то этого оказалось недостаточно, чтобы его защитили от воздействия процина.

Мы выходим к берегу искусственного озера, и я достаю из тайника наши шесты. Гаспар становится напротив. Мы кланяемся друг другу.

Все начиналось... неуклюже. Я пыталась повторять атакующие движения, подсмотренные у рекрутов Корпуса. Наверное, это очень забавно выглядело со стороны – четырнадцатилетняя коротышка прыгает вокруг человека больше нее раза в два и охаживает его палкой.

Не скажу, что с тех пор сильно выросла – сейчас Гаспар выше меня примерно на голову, – а тогда я и вовсе была ему по плечо. Поначалу он не всегда отвечал на мои удары, мог просто застыть на месте, с отсутствующим видом. Но день за днем его защита улучшалась, движения становились четче и собранней.

Когда же Гаспар перешел в атаку, отбиваться пришлось уже мне. Спустя столько лет его тело вспомнило, как нужно двигаться. Он менялся буквально у меня на глазах. И не важно, что первое время я не выдерживала его ударов, некоторые из которых были даже весьма болезненными, поскольку Гаспар не сразу смог подстроиться под такого мелкого соперника. Результат того стоил.

А потом тренировки и для меня стали необходимостью. Я осталась единственным Смотрителем на целую группу. Нина, моя напарница, ушла в Корпус, даже не предупредив меня.

Через неделю я потеряла первого силента. Лара, пожилая женщина с длинной косой, едва тронутой сединой. Мы проходили через Просвет, где ремонтировали перила, и я слишком поздно заметила, что Лара подошла к самому краю балкона. Я тогда проплакала всю ночь. Моя мама тоже погибла из-за невнимательности Смотрителя, а я допустила смерть Лары, которая тоже была чьей-то матерью.

Тогда, после бессонной ночи, я пообещала себе, что сделаю все возможное, чтобы защитить моих подопечных. Буду тренироваться до изнеможения – ведь так я смогу ускорить собственную реакцию. Стану сильной и быстрой, очень быстрой – и тогда больше ни один силент не погибнет у меня на глазах. Я этого не допущу.

Поначалу приходилось тяжело. Я продолжала наблюдать за тренировками рекрутов, запоминать движения и пытаться отрабатывать их с Гаспаром. Он был намного выше меня, намного сильнее, и его техника отличалась от того, чему учили в Корпусе. Я стала повторять за ним, а со временем заметила, что и он в свою очередь использует некоторые приемы Корпуса. Он уже не просто воспроизводил давным-давно заученные движения – Гаспар их изменял. Так мы учились друг у друга. Все стало намного интереснее, когда он сам это осознал. Подметив, что я пытаюсь копировать некоторые его приемы, он стал показывать их несколько раз подряд, медленно, чтобы я успела понять все детали. Он показывал до тех пор, когда у меня начинало получаться.

Мы тренируемся почти каждый день. Сейчас, когда вижу, как он осторожно приближается ко мне, выжидая момент для нанесения удара, мне кажется, что не было тех дней, когда он не мог блокировать неумелый удар ребенка.

Сегодняшняя тренировка проходит не очень хорошо: я не могу сосредоточиться, и Гаспар это чувствует. Он останавливается, глядя на меня с тревогой. Затем кладет шест на землю и, подойдя ко мне, слегка касается моего плеча. Правой рукой он дважды похлопывает себя по груди.

Посмотри на меня.

Я невольно вздрагиваю.

Но нет, его пальцы касаются моего виска. Это вопрос.

Почему ты не смотришь на меня?

Потому что все, что я вижу сейчас, – это лицо малодушного, которому откуда-то был известен жест, что использую только я и мои silent. Невероятно, но беспокойство за Гаспара заставило меня позабыть о том, что случилось сегодня.

Гаспар осторожно забирает шест из моей руки. Наблюдая, как он прячет шесты в нашем тайнике, я думаю, что никогда не привыкну к его проникательности. Он слишком хорошо меня знает. Вот и сейчас он понимает, что я не только не могу продолжать поединок, но и не хочу возвращаться обратно в жилой блок. Легко вздохнув, он тянет меня за рукав, и мы садимся у самой кромки воды. Мы с ним часто сидим здесь: я что-то рассказываю, а Гаспар слушает. Пожалуй, он единственный человек, с которым я могу поделиться всем, что у меня на душе. Конечно, еще есть Мика, задорная, веселая, легкая Мика, моя единственная подруга. Я доверяю ей – но иногда мне просто не хочется обременять ее своими неприятностями. Гаспару же я могу сказать все.

Но даже ему я не говорю ни слова о том, что произошло во время казни.

* * *

Что-то пошло не так. Едва моя голова коснулась подушки, я отключилась, провалившись в липкую темноту. Спала я беспокойно – проснувшись, обнаруживаю, что простыня подо мной сбилась в ком. Я проспала около шести часов, и обычно мне этого времени хватает, но сейчас чувствую себя совершенно разбитой.

Я нарушила традицию, впервые в течение последних нескольких лет.

До общего подъема еще пара часов, но я уже не смогу заснуть, и поэтому, быстро одевшись, выхожу из своей комнатки в жилом блоке Смотрителей.

Самый лучший способ очистить мысли – бег.

Мне никогда не удастся заснуть сразу же после общего отбоя. Поэтому я выжидая час-полтора, когда все погрузятся в глубокий сон, а потом отправляюсь на пробежку. Я бегаю по Просвету – между уровнями есть скрытые лестницы, которые превращают мой маршрут в гигантскую спираль. В часы сна основное освещение отключают, но я уже привыкла к этой темноте, и мне хватает тусклого мерцания фонарей, обозначающих выходы к Просвету.

Когда Гаспар вспомнил, как нужно атаковать, я поняла, что мне не хватает выносливости, и начала бегать. После пробежки, кстати, я засыпаю мгновенно. На самом деле мне нельзя здесь находиться – в часы сна запрещено покидать жилой блок, – но я не могу отказать себе в таком удовольствии. Порой удивляюсь, почему меня до сих пор никто не остановил, ведь в Просвете полно камер видеонаблюдения – может, ночью они тоже отключаются? Или просто меня не видно в темноте?

За два часа я успеваю несколько раз пробежаться по всем уровням, поднявшись до самого верхнего и спустившись обратно. Но, не рассчитав время, я опаздываю на завтрак и успеваю лишь запихнуть в себя бутерброд. Наскоро умывшись, я переодеваюсь и, захватив

планшет, отправляюсь на рабочий уровень. От распорядителя я узнаю, что мою группу на сегодня вместо оранжереи отправляют в одну из отдаленных теплиц собирать клубнику.

Простое задание, простое и безопасное для силентов – никакого инвентаря, лишь коробки для ягод, которые я всем раздаю. Эта теплица намного просторнее, чем та, в которой мы работаем обычно. А еще здесь жарко. Я смотрю вверх, прикрывая глаза рукой. Да, свет солнечных панелей ярче, чем в нашей теплице.

Силенты расходятся по теплице, а я иду к рабочему столу в надежде, что предыдущий Смотритель оставил там что-нибудь съедобное: пропуск завтрака дает о себе знать урчанием в животе. Мне везет: нахожу пару протеиновых батончиков и тут же их съедаю. Вкус у них, конечно, так себе, но зато чувство голода затихает.

В памяти почему-то всплывает фраза, сказанная вчера Микой. «Ты меняешь своих силентов, Арника». А ведь в ее словах есть смысл. Раньше перед началом работ мне приходилось несколько раз подряд повторять порядок действий, и иногда я работала вместе с силентами, потому что они часто сбивались во время выполнения даже самых простых заданий. Сейчас они запоминают все с первого раза. Я не придавала этому значения, думая, что силенты со временем просто привыкли к своей работе, но на днях услышала в столовой, как один Смотритель жаловался другому, что провел весь день с согнутой спиной, потому что обработка земли оказалась слишком сложной задачей для его группы.

Другие силенты не меняются.

Мирра, пожилая женщина, мать Ефима, подходит ко мне и ставит рядом коробку, доверху наполненную клубникой.

И снова этот жест. *Посмотри на меня.*

Даю Мирре новую коробку. Мне нужно решить, что делать в связи с тем, что я увидела во время казни, и решить прямо сейчас, иначе будет поздно. Я думаю об этом все утро и никак не могу понять, что меня останавливает от визита к профайлерам. Мне нечего скрывать от Справедливости, ведь так? Пожалуй, мой самый-самый большой секрет – это незаконный бег в часы сна, но за это мне может угрожать лишь штраф. Я понятия не имею, какой секрет имел в виду малодушный. Но для него это было так важно... И этот жест – он не мог быть случайным.

Слышу, как кто-то позади меня наступает на большую сухую ветку.

Та к идти мне к профайлерам или нет? Как же здесь жарко...

Звук повторяется, и у меня по телу пробегает дрожь. Я вспоминаю, что мы не в оранжерее. Здесь не может быть сухих веток.

Тревога охватывает меня, я начинаю оглядываться, пытаюсь найти источник звука. Двое силентов подходят к рабочему столу с полными коробками. Показав, куда их поставить, я, подумав, хлопаю в ладоши и указываю в сторону двери. Силенты смотрят на меня, в их глазах непонимание. Я настойчиво повторяю жест, и они, развернувшись, идут к выходу – неуверенно, постоянно оглядываясь. Я поднимаю руки и дважды хлопаю в ладоши, пытаюсь привлечь внимание остальных силентов – но некоторые ушли слишком далеко и уже не слышат меня. Я прочищаю горло, чтобы окликнуть их, и снова слышу хрустящий звук, слышимый уже намного громче и совсем рядом. Я поворачиваюсь в сторону звука, но тут что-то заслоняет мне обзор.

Хруст. Дребезг.

Все, что вижу перед собой, – это нелепый тигр, вышитый на спине комбинезона.

Осколки.

Они повсюду – тонкие, блестящие. Фрагмент солнечной панели рухнул прямо на рабочий стол, и осколки разлетелись во все стороны. Я слышу возглас Мирры – у нее вся рука в крови. Делаю шаг к ней, я должна помочь ей – но тут Гаспар отводит в сторону руку. В ней зажат окровавленный осколок.

Гаспар оседает на землю. На его комбинезоне расплывается темное пятно.

Я падаю на колени. Он изумленно рассматривает осколок в своей руке. Нет-нет-нет, что ты наделал, нельзя было его вытаскивать! Ты же сейчас истечешь кровью... Крови слишком много, я задыхаюсь, пытаюсь зажать рукой его рану и одновременно дотянуться до кнопки связи с медпунктом на рабочем столе, но не могу, стол слишком высокий. Тогда я вынимаю осколок из руки Гаспара и, наложив его ладони на рану на его боку, с силой надавливаю своими руками сверху. «Так и держи, хорошо? Хорошо?» Он зажимает рану, и я, вскочив, бью по кнопке. «Носилки... тяжелое ранение», – все, что мне удастся выговорить. Я вновь кидаюсь к Гаспару, вновь накрываю его ладони своими руками. Как же так получилось? Ты ведь такой быстрый, как ты это допустил? Как я это допустила? Не сразу осознаю, что говорю вслух. Слезы катятся у меня по лицу. Гаспар высвобождает одну руку. Он касается своей груди, а потом указывает на меня. Слова застревают у меня в горле.

Он был таким быстрым, что успел заслонить меня. «Ты все перепутал, – шепчу я. – Ты все перепутал – это я должна защищать тебя, а не наоборот, ты все перепутал...» Он повторяет свой жест, с упрямым выражением на лице. Я улыбаюсь ему сквозь слезы. Его ресницы подрагивают. Нет-нет-нет, не закрывай глаза, смотри на меня, Гаспар, смотри только на меня, помощь уже близко! «Быстрее!» – кричу я как можно громче, увидев краем глаза, что в теплицу заходят два Смотрителя с носилками.

Мика встречает нас на пороге медблока.

– Гаспар... – Она зажимает рот ладонью. Смотрители, уложив ее брата на каталку, возвращаются к остальным пострадавшим.

– Где ваш доктор? – Я лихорадочно оглядываюсь по сторонам, но кроме нас здесь больше никого нет. Мика смотрит на Гаспара полными ужаса глазами и качает головой из стороны в сторону. Сейчас перед ней разворачивается ее худший кошмар, она все еще не может поверить, что это происходит на самом деле.

– Где доктор? – настойчиво повторяю я, встряхивая ее за плечи, и Микелина наконец-то переводит взгляд на меня.

– Вышел... Только что вышел на склад за лекарствами, – шепчет она, и у меня перед глазами все темнеет.

Гаспара может спасти только старший доктор медблока. Которого сейчас нет на уровне.

– Я... Я пойду за ним, – я шагаю к двери. – Я найду его, Мика, и он...

– Ты не успеешь. Гаспар столько не продержится. – Мика вновь прижимает ладонь ко рту. Ее взгляд мечется по медблоку. Резко выдохнув, она застывает на миг, затем кидается к лечебному модулю.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, глядя, как она включает экраны модуля. – Мика, ты не сможешь исцелить его! У Гаспара же нет профиля совместимости!

– Возьму чужой... – пальцы Мики порхают над клавиатурой, – с максимально приближенными показателями. Может получиться. Шанс есть. – У нее скрипучий, незнакомый мне голос. – Уходи, Арника. – Она останавливается, поднимая на меня взгляд, полный отчаянной решимости. – Ты должна уйти. Это преступление.

– Как ты запустишь модуль без доктора? – выговариваю я с трудом. Паника не дает мне дышать, сомкнув свои холодные пальцы на моей шее, она душит меня, не позволяя шелохнуться – и отпускает в одно мгновение, когда я слышу:

– Его еще не отключили после проверки.

Мика щелкает переключателем, и верх модуля плавно отъезжает. Я тут же бросаюсь ей на помощь, помогаю подвезти к модулю каталку, на которой лежит Гаспар, но Мика пытается меня остановить.

– Это ведь запрещено, и нас потом... Арника!.. Пусть это буду только я, ведь ты...

– Плевать, – перебиваю ее я. Мика кивает. – Мы спасем его. – Я помогаю ей переложить Гаспара с каталки на лежак модуля. Ловко орудуя ножницами, Мика срезает пропитавшийся кровью верх форменного комбинезона. – Мы должны спасти его. Слышишь, Гаспар? – Я наклоняюсь к нему. – Ничего не бойся. Мы вылечим тебя.

Модуль закрывается. Затаив дыхание, Мика осторожно нажимает на кнопку запуска процесса лечения. Силы изменяют мне, и я опускаюсь прямо на пол, возле модуля. Меня бьет крупная дрожь. Мика садится рядом и обхватывает руками колени.

– Солнечная панель в теплице... Она упала на рабочий стол, и осколки... Прямо вее-ром. – Горло перехватывает, я закрываю лицо руками. – Там же наверняка есть еще ране-ные... Мирра...

Мика мягко убирает мои руки от лица.

– Смотрители о них позаботятся.

Я вижу, что Мика держится из последних сил.

– Не вовремя этот придурок вышел на склад, правда?.. – Ее голос срывается.

– Гаспар спас меня, – тихо говорю я. – Закрыл меня собой. Он словно... возник из ниоткуда и закрыл меня.

После этих слов я больше не могу смотреть на Мику. Это я сейчас должна истекать кровью. Но Гаспар меня опередил.

Тишина давит. Я не знаю, сколько мы просидели так, на полу, не глядя друг на друга. И вот раздается сигнал окончания программы лечения – и мы уже на ногах, по обе стороны от модуля. Он откры- вается.

От страшной раны осталось лишь розовое пятно. Мы с Микой одновременно выды-хаем, и она, закрыв лицо руками, дает волю слезам. Она плачет и смеется одновременно. Гаспар открывает глаза и недовольно смотрит на сестру. Затем он пытается встать – но Мика его удерживает, и Гаспар, вздохнув, качает головой.

Микелина замолкает. Они с Гаспаром рассматривают друг друга. Лицо Микелины меняется, она словно впервые видит своего брата. Затем Гаспар поворачивается ко мне, и я понимаю, что так удивило Мику.

Гаспар больше не силен. Он исцелился. Он улыбается, а его глаза светятся.

Я растворяюсь в этом взгляде. Гаспар знает меня. Он помнит меня. И я словно всегда знала его таким, каким вижу сейчас – с такой широкой белозубой улыбкой, с ямочками на щеках...

Но они исчезают, когда Гаспар хмурится, оглядываясь по сторонам. Он закусывает губу, словно пытаюсь вспомнить что-то важное. Потом вновь смотрит на меня, беспомощно, обреченно – и припадок сотрясает его тело.

– Мика, что это? Что с ним?

Гаспара трясет все сильнее, ему больно, очень больно – и я чувствую себя совершенно бесполезной, не зная, как помочь. Мика дрожащими руками набирает лекарство из ампулы в шприц. Мне страшно, я с трудом удерживаю трясущегося Гаспара, пока Мика делает ему укол. Припадок затихает. Гаспар тяжело дышит, он весь вспотел. Он приподнимается на локте и тянется рукой ко мне. Я наклоняюсь ближе. Едва коснувшись пальцами моей щеки, он с неожиданной силой хватает меня за плечо. Он пытается сделать глубокий вдох, его лицо искажается, взгляд полон отчаяния – и тут, впервые в жизни, я слышу его голос.

– Отведи... их... домой. – Гаспар всматривается в мое лицо, и я вижу, как в его взгляде появляется надежда. – Отведи... их... – повторяет он, и его лицо расслабляется. Хватка на моем плече слабеет.

Жизнь покидает его.

На дисплее медицинского модуля светится надпись «Ошибка в программе лечения. Объект несовместим с выбранным профилем. Лечение невозможно».

* * *

На моих руках уже не осталось ни пятнышка крови, но я продолжаю ожесточенно их тереть. Почему-то сейчас мне это кажется очень важным. Я слышу, как Мика всхлипывает за стенкой: она наводит порядок в медблоке. «Ничто не должно указывать на то, что мы пользовались модулем, пока не было доктора», – единственное, что она мне сказала.

Я останавливаюсь только тогда, когда кожа на руках краснеет от слишком горячей воды. Поднимаю голову, встречаюсь глазами со своим зеркальным отражением, и мое сердце останавливается.

На моей щеке кровавый след от прикосновения Гаспара.

Его больше нет. Я потеряла его, не успела спасти.

Я с криком разбиваю зеркало рукой. Продолжаю наносить удары, когда Микелина вбегает в туалет медблока. Она пытается остановить меня, оттащить от зеркала.

«Ты не виновата!» – кричит она мне. Я задыхаюсь, позволяю ей усадить себя на пол. Она разворачивает меня к себе. «В этом нет твоей вины, слышишь, Арника?» Я качаю головой. Я ей пообещала защитить Гаспара и не справилась, нарушила обещание. Я закрываю глаза, и Мика обнимает меня. Она снова тихо плачет, уткнувшись мне в плечо.

На меня наваливается темнота.

«Ты не виновата, Арника» – слышу я из темноты.

«Не смей винить себя в его смерти!»

Голос Микелины становится все тише, а потом совсем исчезает. Вместе с ним исчезаю и я.

* * *

Мерный стук. Громкий, вызывающий раздражение. Открыв глаза, обнаруживаю перед собой ровную светлую стену. Медблок. Но не тот, в котором работает Микелина: подняв взгляд чуть выше, я замечаю на стене нечто... необычное.

Часы.

Самые настоящие механические часы, с круглым циферблатом и стрелками. Деревянный корпус и... эта штука в движении... Маятник. Не сразу вспоминаю это слово. Часы с маятником, настоящая редкость, я о таких только в книгах читала. Если верить этому раритету, сейчас почти пять часов... пять часов утра, судя по ночному освещению.

На мне только грубая больничная рубашка.

Как я оказалась здесь?

Память помогать отказывается – мысли путаются. Я не чувствую боли, лишь слабость во всем теле. Приподнявшись, я осматриваюсь – освещение в медблоке позволяет это сделать. Этот медблок не похож на те, что располагаются на уровнях Смотрителей. Просторно. Слишком просторно, понимаю я. Потолок выше, чем обычно, – это может значить только то, что я нахожусь на каком-то другом уровне. Помимо моей кровати, здесь стоят еще две, и они свободны.

Мой взгляд сталкивается с преградой. Еще одна вещь, которую я меньше всего ожидала бы увидеть в медблоке: ширма. Резная ширма с замысловатым узором. Кажется, тоже из дерева. Определенно сделана еще в Старом Мире, как и часы. Куда же я попала?

Вставать тяжело. Голова кружится, тело не слушается. С трудом добираюсь до ширмы. Отодвинув ее, обнаруживаю рабочий стол доктора. Настольная лампа, непрозрачные флаконы, какие-то распечатки, письменные принадлежности, планшет – на столе очень много вещей, но при этом на нем царит порядок. Идеальный до неестественности. Флаконы

выстроены строго в ряд, бумаги сложены несколькими стопками на равном расстоянии друг от друга. Я задаюсь вопросом, что за человек нуждается в таком порядке.

Мне везет: планшет включается сам, когда я беру его в руки, и на экране высвечивается моя фотография. Видимо, доктор вносил пометки в мой личный профиль. Но везение на этом заканчивается – я не могу ничего прочитать. Требуется пароль доктора, и планшет приходится отложить в сторону. Но перед тем как экран гаснет, на нем высвечивается ряд цифр: дата и время.

Это подобно удару током. Я вспоминаю самое главное. Я потеряла Гаспара. Слезы застилают глаза, ноги подкашиваются, и мне едва удастся устоять, вцепившись в столешницу. Сердце болезненно сжимается: я понимаю, что упустила шанс увидеть Гаспара в последний раз, проститься с ним.

Календарь говорит, что я провела в отключке три дня.

Церемония прощания проводится спустя сутки после смерти. Гаспара больше нет.

Его уже кремировали, и через все это Микелине пришлось пройти в одиночку. Она была одна, пока я валялась в медблоке. Я и в этом ее подвела, меня не было рядом, когда ей требовалась поддержка.

Возвращаюсь к своей кровати. Обратный путь дается намного легче – головокружение постепенно утихает. Рядом с кроватью стоит тумбочка, внутри которой я обнаруживаю свою одежду, постиранную и сложенную стопкой. А на ней – записка, крохотный клочок серой шершавой бумаги.

Круглые, аккуратно выведенные буквы. «Таким было его решение». И слезы вновь наворачиваются на глаза.

Ночное освещение становится ярче, возвещая начало нового дня – общий подъем. Я переодеваюсь в свою одежду и, машинально застелив постель, ложусь поверх одеяла, сворачиваясь клубком.

Микелина, милая Микелина... Внезапно понимаю: это правильно, что меня не было рядом. Так и должно быть. Она не винит меня в смерти брата, изо всех сил старается не винить – и все же я знаю, что теперь, глядя на меня, она всегда будет видеть человека, который не сдержал обещание, самое важное обещание в жизни.

Как мне быть дальше?

«Таким было его решение», – слышу я словно наяву тоненький голос Микелины. И как мне жить с этим решением? «Гаспар решил защитить тебя». Да, так Мика скажет, чтобы успокоить себя и меня, и будет повторять это снова и снова... Но в ее глазах я буду видеть, что где-то глубоко внутри себя она проговаривает эти слова как обвинение.

И тут другой голос звучит у меня в голове, и я с пугающей ясностью понимаю, что должна сделать.

В ванной комнате медблока я нахожу зеркало, совсем небольшое. На то, чтобы привести себя в порядок, уходит немного времени: я поправляю одежду и собираю волосы в хвост. Остается всего одна деталь...

Мой доктор так и не вернулся. Среди пугающего порядка на его рабочем столе я нахожу небольшую склянку с кофеиновыми капсулами и заимствую две штуки. Потом, никем не замеченная, покидаю мед-блок. Мне нужно вернуться на уровень силентов.

Выйдя из лифта, я сталкиваюсь с Диной, и она роняет какие-то папки. Я ей помогаю собрать их, она здоровается со мной, но я ухожу, промолчав, и на ее лице отражается недоумение, которое лишь усилится, когда Дина обнаружит вещь, которую я незаметно сунула ей в карман. Мою эмблему Смотрителя.

«Надеюсь, у тебя все получится, Дина», – вертится у меня в голове, когда я подхожу к двум людям в темной униформе. Один из них окидывает меня равнодушным взглядом и

отворачивается. На лице второго я *вижу* насмешку и немой вопрос: «И что тебе здесь надо, Смотритель?»

Набрав в грудь воздуха, делаю шаг вперед и отвечаю на этот вопрос:

– Я хочу вступить в Корпус.

Часть II. Кандидат

Глава 1

Я бегу так быстро, как только могу. Волосы, прежде собранные в хвост, растрепались и облепили все лицо, влажное от пота. Настойчивые пряди лезут в глаза, и я зажмуриваюсь.

Это еще не мой предел. Мне нужно ускориться.

– Пожалуй, достаточно, – слышу я сквозь стук в ушах.

Я открываю глаза только после того, как удастся восстановить дыхание. Времени на это уходит больше, чем обычно, – три дня, проведенные в постели в медблоке, дают о себе знать. Я мысленно благодарю незнакомого доктора, оставившего на своем столе кофеиновые капсулы: без них было бы намного хуже.

«Капрал Солара» – выбито на нагрудном жетоне с эмблемой Корпуса, которую вижу перед собой сейчас. Ее обладательница – высокая стройная девушка с каштановыми волосами, года на два меня старше – аккуратно снимает с меня датчики. Когда она смотрит в свой планшет, ее лицо с острыми скулами приобретает удивленное выражение.

– Давненько я не видела действительно хорошего результата на беговой дорожке.

Протягивая полотенце, она окидывает меня оценивающим взглядом, и я позволяю себе немного расслабиться. Я вытираю пот с лица. Уже лучше. Это больше не «смотрите, кто к нам пожаловал» – та насмешка, с какой Солара встретила меня, забыта. Я понимаю, что удивила ее: она не ожидала, что я вообще на что-то способна.

– С физической частью теста покончено, – Солара смотрит на наручные часы и хмурится, – но ты пришла слишком рано, второго капрала еще нет. Собеседование мы сможем начать только через полчаса.

Солара отводит меня в комнату для собеседований и оставляет в одиночестве. Присаживаясь на край металлического стула, который стоит перед широким столом, я осматриваюсь. Наверное, сама эта комната – часть теста. Она неуютна ровно настолько, насколько это вообще возможно: яркий холодный свет, бьющий прямо в глаза, серые, ничем не закрытые бетонные стены. Сидя к двери спиной, я ее не вижу, и поэтому мне кажется, что меня поместили в гигантскую коробку. Несмотря на то, что в комнате довольно просторно, стены словно давят на меня. Под потолком – две видеокамеры, которые направлены на мое место. Я неосознанно поеживаюсь, понимая, что меня ожидает.

Собеседование?

О, нет. Допрос.

За противоположной стороной стола стоят три стула, точно таких же, как этот, холодный и ужасно неудобный, на котором сижу я. Три стула – для Солары, для еще одного капрала...

И для профайлера.

Я словно получаю резкую пощечину, заставляющую окончательно проснуться. На меня наваливается осознание происходящего. Что же я делаю?

После всех событий последних дней мне не стоит приближаться к профайлерам. Я утаила информацию, которая касается малодушного преступника, промедлила, не рассказав все вовремя. Мне нужно обходить профайлеров за километр – а я сама пришла к ним и сейчас добровольно укладываю голову на плаху...

Такие мысли вызывают горькую усмешку. Видимо, во мне тоже есть крохи малодушия, которые заставляют меня бояться Справедливости. И тут где-то в глубине души рождается протест, вскипает злость на саму себя. К черту. Я буду искренней, выложу все как на духу,

и будь что будет. Пусть моя судьба решится здесь, пусть профайлер определит, что я заслуживаю – наказание или зачисление в Корпус. Я готова принять любое решение.

И тут я вспоминаю, что дело уже не только во мне. Еще есть Мика, которая нарушила протокол, использовала лечебный модуль, пытаясь спасти брата. Мика, которая пыталась вылечить Несовместимого, загрузив в модуль чужой профиль совместимости. Если я начну рассказывать, как все было, то профайлер доберется и до этих воспоминаний – и тогда Мику, даже в самом лучшем варианте развития событий, лишат эмблемы медсестры.

Любимая работа – все, что осталось у Микелины, и я не могу, не имею права отбирать у нее последнее.

Ладони, лежащие на коленях, сжимаются в кулаки, ногти больно впиваются в кожу. Как же быть?

Я не смогу солгать профайлеру, обмануть его невозможно. Даже если я в его присутствии просто подумаю о том, чтобы солгать, он это почувствует. Но сказать правду – значит собственными руками утопить Мику. Этого я не смогу себе простить.

В комнату заходит Солара. Занимая крайний стул слева от меня, она говорит, что собеседование скоро начнется. В ее руках планшет и какие-то бумаги. Она протягивает мне анкету, которую нужно заполнить. Видимо, это важный документ, раз его печатают на хорошей бумаге.

Ручка дрожит в моих пальцах. Я отвечаю на стандартные вопросы: имя, возраст, дата прохождения последнего отборочного теста – и тем временем лихорадочно пытаюсь придумать, как не выдать Микелину. Назад дороги нет: если сейчас встану и заявлю, что передумала вступать в Корпус, то навлеку на себя подозрения и тогда мне не отвертеться от детального допроса, который уже не будет обставлен как «собеседование».

Нужно успокоить свои мысли. Взять их под контроль.

В комнату заходит молодой человек, ровесник Солары, тоже в форме Корпуса. Второй капрал. Как только он видит Солару, на лице его появляется гримаса раздражения.

– Капрал Солара, – нехотя приветствует он ее.

Девушка закатывает глаза.

– Капрал Финн. – Она с точностью копирует его интонацию и этот взгляд, «век бы тебя не видел». – Вы по-прежнему не отличаетесь пунктуальностью.

Вздыхнув, он садится, оставляя место посередине для профайлера. Едва я успеваю поставить последнюю точку в анкете, капрал Финн бесцеремонно вырывает ее из моих рук и пробегает глазами. Отложив анкету в сторону, он вздыхает и качает головой, глядя на меня с любопытством. Есть в его взгляде и доля насмешки.

– Зачем ты пришла сюда, Смотритель? Вас же вроде поголовно освобождают от обязанностей перед Корпусом. Так какого черта ты здесь делаешь?

Солара одергивает его, говоря, что нельзя начинать собеседование без профайлера, но я ее не слушаю.

Вот оно.

Почему я здесь? Почему хочу вступить в Корпус, почему именно сейчас? Мне нужно ухватиться за эту мысль, сосредоточиться только на ней, задвинув остальное на второй план, спрятав все, что связано с прежней жизнью. Нужно правильно расставить акценты – и тогда меня не смогут поймать на лжи, потому что мне и не придется лгать.

Когда дверь открывается и появляется профайлер – та самая девушка, которую я видела в столовой, – страх уже отступает. Она садится напротив. Глубоко вдохнув, я расправляю плечи и, глядя профайлеру прямо в глаза, протягиваю ей руку ладонью вверх. Финн кашляет. Судя по его лицу, он не ожидал, что я буду настолько открытой – ведь при физическом контакте профайлер способен увидеть намного больше.

Солара кладет перед профайлером лист бумаги и ручку, затем зачитывает номер моего личного профиля и сообщает: – Кандидат Арника, восемнадцать лет. Бывшая профессия – Смотритель.

На видеокамерах загораются зеленые лампочки. Допрос начался.

* * *

Седые волосы, большие светлые глаза – слишком светлые, чтобы их можно было назвать серыми. Прозрачное стекло. Она вся кажется прозрачной – мертвенно-бледная кожа девушки напротив меня настолько тонкая, что на тыльной стороне ее узкой ладони я отчетливо вижу синий рисунок вен.

Я непроизвольно вздрагиваю, когда ледяные пальцы смыкаются на моем запястье. Я вижу, как лицо профайлера мгновенно меняется, как она сбрасывает с себя странное оцепенение, как ее стеклянный взгляд оживает. Ее глаза загораются жизнью. *Моей* жизнью.

– Не пытайтесь что-либо утаить от профайлера – это будет расценено как сопротивление Справедливости, – монотонно бубнит Финн. – Все ли ответы в вашей анкете являются правдивыми?

Я молча киваю.

– Есть ли что-то, что вы бы хотели поведать нам перед лицом Справедливости?

– Я никогда не хотела в Корпус, – выпаливаю я, и лицо Финна вытягивается от удивления. Солара усмехается, бросив быстрый взгляд на профайлера.

– И вы говорите об этом так открыто?

Я пожимаю плечами:

– Решила быть искренней.

– За такую искренность можно получить обвинение в малодушии, – цедит сквозь зубы Финн.

Я качаю головой и киваю на профайлера, которая не сводит с меня взгляда:

– Справедливость этого не допустит.

– К вопросу о малодушных. – Солара смотрит в свой планшет. – Как вы к ним относитесь?

Я вспоминаю Риту, которая не знает, жива ли ее семья. Вспоминаю сотни силентов, прошлое которых утрачено из-за диверсии малодушных.

– Я их ненавижу, – говорю я, наблюдая за тем, как мои эмоции передаются профайлеру и как ее ладонь, лежащая на столе, сжимается в кулак.

– Тогда как объяснить вашу неприязнь к Корпусу? – этот вопрос звучит от Финна.

– Нет никакой неприязни, – говорю я.

– Ложь. – Хриплый голос профайлера звучит одновременно с моим. Глаза седовласой девушки сужаются, она тянется к ручке, и я быстро прибавляю:

– Ладно-ладно, неприязнь была. – Ненадолго замолкаю, пытаюсь подобрать правильные слова. – Мне... Мне всегда нравилось заботиться о силентах. На самом деле... я была счастлива с ними, была счастлива работать Смотрителем. Это то, что имело для меня смысл. Каждый из силентов пожертвовал собой, чтобы мы могли жить – а весь Свободный Арголис словно забыл об этом.

– О силентах заботятся, – с явным возмущением начинает Солара, – они живут в хороших условиях...

– Все всегда достается Корпусу, – перебиваю я ее. – Отсюда и неприязнь. Из-за Корпуса почти все вокруг, почти весь Арголис считает, что если ты стал Смотрителем, то только потому, что не захотел идти в Корпус. И никому даже в голову не приходит, что кто-то выбрал эту работу потому, что она ему понравилась.

– Нина... – вновь подает голос профайлер.

Оба капрала синхронно поворачиваются к ней, затем снова устремляют глаза на меня.

– Кто такая Нина? – интересуется Финн.

Вопрос вызывает у меня нервную улыбку.

– К неудачникам относят каждого, на ком нет формы Корпуса. Та к говорила Нина, моя напарница. И она была права. Уже тогда мало кто хотел носить комбинезоны Смотрителей, а сейчас желающих вообще по пальцам сосчитать можно. – Останавливаюсь, чтобы перевести дыхание. – А однажды Нина ушла в Корпус. Мы и вдвоем-то не всегда могли уследить за всей группой, а она оставила меня одну, хотя понимала, что я не смогу справиться в одиночку, и я... В первые же дни я потеряла силента. Потому что Нина ушла, переложив на меня ответственность за два десятка жизней. Я при каждой возможности строчила письма Советнику Моро, просила направить мне в помощь второго Смотрителя, но раз за разом вместо хоть какой-то помощи получала вежливую отписку, жалкий клочок второсортной бумаги с пустыми словами, смысл которых сводился к тому, что, пока мои силенты не мрут как мухи, все хорошо, я могу работать с ними и в одиночку! – Забывшись, я с силой ударяю ладонями по столу, да так, что Солара вздрагивает. – Вот вам и вся забота о силентах!

Я откидываюсь на спинку стула, чувствуя, как колотится сердце. Слишком близко. Слишком больно. Но следующий вопрос Солары застает врасплох, остужая мой пыл.

– А разве сейчас вы делаете не то же самое? Придя сюда, вы тоже бросили своих силентов. Став рекрутом, вы больше не сможете быть Смотрителем, вам найдут другую работу на вторую половину дня...

Замешательство. Я бы даже не подумала посмотреть на ситуацию с такой стороны, а ведь это очевидно.

– Знаю. Это... другое. – Я качаю головой. – Я – не Нина. Я по-прежнему забочусь о силентах. И сейчас лучшее, что я могу сделать для них, это уйти. Потому что я хочу наконец-то быть услышанной. – О, теперь меня услышат, еще как услышат. Не удивлюсь, если у моих силентов появятся сразу три Смотрителя. Мика была права: в моей группе и правда были родственники влиятельных людей, которые теперь сообще сделают все возможное, чтобы группа и дальше оставалась самой безопасной.

Нужно было додуматься до этого раньше, а не писать бесполезные письма. Тогда бы...

Профайлер вздрагивает, до боли стискивая мое запястье. Другой рукой она вновь тянется к ручке. Зря я заговорила о силентах.

Вина. Профайлер ее уже нащупала, она ее уже переживает – я вижу отголоски собственных чувств в ее глазах. Как бы ни пыталась, я не могу спрятать Гаспара. Зажмурившись, я вижу перед собой его лицо, его легкую, едва заметную улыбку.

– Я никогда не хотела в Корпус, – отчаянно повторяю я как заклинание. – Думала, это хорошо, что я – Смотритель, это правильно, что я забочусь о людях, а не учусь тому, как их убивать. Думала, если постараюсь делать все возможное, чтобы силентам было хорошо здесь, если буду заботиться о каждом из них, то внесу свой вклад, помогу всем нам скорее вернуться домой, в Арголис.

Говорить тяжело, голос дрожит, и я прерываюсь, чтобы сделать глубокий вдох. Гаспар с окровавленным осколком в руках оседает на землю – я словно вернулась в тот момент и застряла в нем, и теперь он повторяется бесконечно. Гаспар корчится в припадке на лежаке лечебного модуля. Гаспар касается моего лица, оставляя кровавый след. Гаспара покидает жизнь.

Правда в том, что я не смогу сейчас вернуться к Смотрителям. Не после того как потеряла Гаспара. Я не смогу просто... идти дальше.

Хватка на моем запястье неожиданно слабеет, и я чувствую легкое поглаживание по руке, которое вытягивает меня из воспоминания. Все, что вижу перед собой, открыв глаза, –

это слеза, скатывающаяся по щеке сидящей напротив девушки с седыми волосами. Она *видела* все это, пережила вместе со мной. Сейчас профайлер словно зеркало, в котором отражается моя душа. Все мои чувства, все эмоции – вот они, на поверхности. Я нахожу среди них решимость и, уцепившись за нее, позволяю ей наполнить меня. Только решимость сейчас может помочь мне дойти до конца.

– Но я ошиблась. Силентам нужна вовсе не забота. – Мой голос больше не дрожит, с каждым словом он набирает силу. – Все, что я делала, лишь облегчало их существование. Если на самом деле хочу помочь силентам – я должна отвести их домой. Вылечить их, вернуть им все, что они потеряли. Вернуть им жизнь. Поэтому я хочу в Корпус. Хочу, когда придет время, сражаться за Арголис.

– И отдать жизнь за него?

Вопрос задает Финн. Нотка сарказма звучит в его голосе: кажется, несмотря на присутствие профайлера, он по-прежнему не воспринимает меня всерьез.

Смотрю ему прямо в глаза.

– А вы готовы сделать то же самое, капрал Финн?

От зрительного контакта его передергивает, но он пытается это скрыть. Краем глаза я замечаю кривую усмешку на лице Солары.

– Не задавай вопросов, на которые не можешь ответить сам, Финн, – говорит она неожиданно тихим голосом.

Финн отчего-то бледнеет и, немного помедлив, обращается ко мне:

– Полагаю, мы закончили.

Профайлер отпускает мою руку. Ее взгляд тут же стекленеет. Даже не глядя на него, она что-то пишет на листе бумаги, затем пододвигает его к Соларе. Профайлер встает, и Финн поднимается вместе с ней, намереваясь проводить. Уходя, девушка смотрит на меня, и на мгновение я замечаю что-то странное в ее глазах, – интерес? сочувствие? – но они снова становятся пустыми.

Солара с озадаченным видом рассматривает лист, оставленный профайлером. Что-то явно не так, как должно быть. Дверь хлопает за моей спиной. Финн вернулся. Заняв свое место напротив меня, он подается к Соларе, желая посмотреть, что написала профайлер – и вздрагивает, когда дверь хлопает вновь.

– Добрый день, капралы, – говорит вошедший, и я боковым зрением вижу вытянутую руку с зажатым в ней жетоном. Сильное удивление меняет лица Финна и Солары, и я подавляю желание обернуться – кажется, мне этого лучше не делать. Солара, убрав в сторону записи профайлера, встает и выпрямляется, вытягивая руки по швам; Финн делает то же самое. Я же совсем не знаю, как себя вести. Взгляды капралов ясно говорят, что за моей спиной кто-то важный. Кто-то, кого они совсем не ждали.

– Приветствую вас, командор, – в голосе Солары слышно волнение. – Н-но... Я же послала запрос Виктору, нам нужна проверка на рендер-совместимость...

– Сомневаетесь в моей компетенции? – визитер хмыкает. – Не беспокойтесь, капрал. Сегодня я проведу проверку.

Он проходит к свободному стулу и садится, опуская на пол свой рюкзак. Увидев лицо вошедшего человека, я с трудом сдерживаю взглас изумления. И тут же мысленно благодарю Финна и Солару за то, что они так вовремя закончили расспрашивать меня, и профайлера уже нет в комнате.

Потому что этот человек – еще один мой секрет.

Глава 2

Мы с Гаспаром тренировались уже года два, когда спарринги рекрутов перенесли на другой, закрытый уровень, куда я уже не могла пробраться, чтобы за ними понаблюдать. Нужен был какой-то новый источник информации, и я отправилась в Архив. Но там меня ожидало большое разочарование.

«Для того чтобы получить доступ к данному разделу Архива, поднесите к считывателю информационного терминала свой идентификационный браслет». Боевые искусства – только для Корпуса, если вкратце. Во всем Свободном Арголисе идентификационные браслеты носят только курсанты... И silent. Полезная штука, эти браслеты. Не наша технология – еще одно изобретение Терраполиса, которое мы нашли здесь. Silentам браслеты, конечно, нужны не для идентификации. Помимо того, что они помогают следить за их самочувствием, в браслетах хранятся все медицинские рекомендации, касающиеся режима питания, сна и так далее. Silent приходит в столовую, подносит руку к считывателю, и ему добавляют в еду все необходимые витамины. Да, следует признать, что на их счет я погорячилась: Свободному Арголису все-таки не плевать на silentов. Ефим, техник, отдавший мне планшет, когда-то давно показал мне, как обходиться с этими браслетами – его мать часто отбивалась от группы, отправляясь в самовольные прогулки, а немного поколдовав за планшетом, можно было, зная код, отследить местоположение браслета.

Я тогда засиделась в Архиве до позднего вечера, пытаюсь убедить информационный терминал в том, что единственный браслет, код которого я помнила наизусть – браслет Гаспара, – принадлежит курсанту. Мне казалось, что у меня вот-вот получится, и я увлеклась настолько, что даже не заметила, что ко мне кто-то подошел.

– Вообще-то это преступление, – прозвучало за моей спиной.

Позади меня, скрестив руки на груди, стоял молодой человек, явно старше меня года на три-четыре. На его одежде не было никаких знаков различия, поэтому я не смогла определить, кто передо мной. Смотритель? Техник? Инженер? Учитель? Точно не курсант – те вечно кичатся своим статусом, не расставаясь со своими жетонами ни на секунду. Да и в Архив курсанты почти не заглядывали.

Серые глаза с недовольным прищуром изучали экран терминала.

– Бессмысленное преступление. Ты не сможешь обойти защиту, – продолжил незнакомец, и я мысленно попрощалась со всем, что мне было дорого. Только после его слов до меня дошло, что я только что пыталась взломать Архив.

Взломать. Архив.

После Бунта малодушных подобные правонарушения карались с максимальной строгостью.

– Наверное, мне как добропорядочному гражданину Свободного Арголиса следует сообщить об этом куда положено? – Молодой человек перевел взгляд на меня, и, всматриваясь в его лицо, я вдруг поняла, что он говорит это не всерьез. Он почему-то не собирался меня выдавать, ни на мгновение не сомневаясь в своем решении. Это открытие вызвало совершенно неуместную улыбку на моем лице. Незнакомца моя реакция явно озадачила. – Ты ведь не из Корпуса. Тогда зачем тебе нужен этот раздел? – поинтересовался он, кивая на терминал.

– У всех свои увлечения, – вырвалось у меня, прежде чем я подумала, что стоило ответить повежливее, ведь он мог и передумать насчет меня. Но мой ответ, видимо, не сильно его задел.

– Как скажешь.

Усмехнувшись, он закатал рукав и прикоснулся запястьем к считывателю терминала. Я заворуженно наблюдала, как на экране высветились слова: «Вам необходим неограниченный доступ?». Молодой человек покачал головой и выбрал нужный мне раздел Архива.

Я помню, что тогда, в Архиве, даже не видела, как он ушел – просто сидела, уставившись на экран информационного терминала, пытаюсь осознать произошедшее. Неограниченный доступ. Рядовые курсанты его точно не имели. После Бунта малодушных самые важные разделы Архива были зашифрованы с помощью сложных алгоритмов на случай последующих атак. Я часто думала о том, кто мог быть удостоен такого полного, безоговорочного доверия. Теперь я знаю.

Я смотрю на жетон, который визитер вновь прикрепил на карман. «Нестор» – выбито под эмблемой командора. Теперь я знаю его имя.

Прошедшие годы изменили его. Казалось бы, он остался почти таким же, лишь черты красивого лица стали немного резче, тверже – но изменилось что-то неуловимое, что-то, что уже не позволяет мне полностью соотнести образ из воспоминаний с человеком, сидящим напротив. В моих воспоминаниях он совсем другой: мягкая усмешка, хитрый прищур серых глаз. Сейчас его взгляд холоден и равнодушен.

Тогда, в Архиве, я смогла скопировать на свой планшет весь раздел, посвященный боевым искусствам: он оказался совсем небольшим. Но чего там только не было! Техника ударов, удушающие приемы, захваты, подсеки... Гаспар сначала заметно противился, даже отказывался выполнять упражнения со мной. Я видела, что он беспокоится за меня, боится, что нечаянно причинит мне боль. Мне понадобилось много усилий, чтобы убедить его, что я могу быть хорошим соперником...

Я понимаю: еще немного – и я разрыдаюсь, прямо здесь. С большим усилием – но я все же заставляю себя перестать думать о Гаспаре, спрятать его образ как можно дальше, и вернуться мыслями к Нестору. Сейчас он может все испортить. Одно его слово способно лишить меня шанса попасть в Корпус.

Каждый раз, разбирая материалы Архива, я вспоминала тот день. Почему Нестор это сделал? Ведь он не просто не сообщил о моем проступке, хотя был обязан – наоборот, он мне помог. Вопрос не давал мне покоя, но сейчас, глядя на командора, я не хочу спрашивать его об этом.

Нестор, каким я *вижу* его сейчас, вряд ли помог бы мне в тот день.

Он окидывает меня безразличным взглядом и берет из рук Солары планшет.

– Значит, ваш кандидат – бывший Смотритель? Профайлер ее уже одобрил?

Солара молча кивает.

– Забавно... – бормочет Нестор, просматривая мой профиль. – Забавно, – уже громче повторяет он, и его брови ползут вверх. – Кто проводил тест на физическую подготовленность? – обращается он к капралам.

Солара протягивает распечатки результатов, оставляя лист профайлера у себя. Нестор просматривает их, и выражение удивления на его лице становится все отчетливее.

– Вы уверены, что ничего не напутали?

Солара хмурится.

– Что-то не так? У нее же хорошие результаты.

– Слишком хорошие. Особенно для Смотрителя. Такие результаты невозможны без постоянных тренировок. А я что-то не вижу здесь отметок о посещении общих спортзалов. Капрал Солара, а вы не задавались вопросом, для чего Смотрителю такая физическая форма? И как она ее поддерживает?

– Это очень тяжелая работа, – вставляю я и тут же осекаюсь под пристальным взглядом. Нестор в упор рассматривает меня, и мне становится неловко. Я понимаю, что он не пом-

нит меня, и отчего-то чувствую странное разочарование. Конечно, с тех пор прошло много времени...

– Подозреваете, что она диверсант малодушных? Если это так, то я даже не удивлюсь, – неприятно улыбается Финн.

Солара, хмыкнув, наконец протягивает командору лист с записями профайлера. Я наблюдаю за тем, как по мере чтения лицо Нестора меняется, едва заметно – ему хорошо удается скрывать свои эмоции, но не от меня, я все равно *вижу* его недоверие, вижу, как оно сменяется удивлением.

– Капрал Финн... Кажется, вам стоит забрать назад ваши слова о малодушии, – медленно говорит он, поднимая глаза.

На лице Финна отражается недоумение – такое явное, такое *громкое*. Солара наблюдает за Финном с торжествующим видом, даже не скрывая улыбки.

– Это оценка профайлера? Ее рекомендовали? Ее оценили как рекрута? Ей хватило баллов? – быстро проговаривает Финн.

– Более чем, – отвечает Нестор, не сводя с меня взгляда. – Ее оценили как курсанта. Она прошла Переход.

Пауза. Все смотрят на меня. Я замираю, боясь пошевелиться.

– Я... Я не понимаю, что это значит, – честно признаюсь я. Голос не слушается. – Это... хорошо?

Я обескуражена, потому что знаю, что такое Переходный тест и насколько он важен для рекрутов. Знаю, что Рита целых три года не может его пройти.

– Тоже не понимаю, – говорит Финн, обращаясь к Соларе. – Как вообще так вышло, что профайлер засчитала ей собеседование как Переходный тест? Та к разве можно? Она ведь еще даже не рекрут?

Солара пожимает плечами:

– Вспомни предыдущие приемные кампании. Мы такое уже видели, и не раз. Некоторые кандидаты получали высокую оценку у профайлера, некоторые со Школы не вылезали из общих спортзалов, и их физические показатели уже при поступлении отвечали требованиям Перехода... Но у каждого из них вторая оценка была недостаточно высокой.

– Одной лишь физической силы рекруту недостаточно, чтобы его приняли в курсанты. Корпус должен состоять из людей, чей дух будет так же силен, как и тело, и только так мы сможем одержать победу, – медленно, словно вспоминая заученные строки, произносит Нестор. – Та к говорит Министр перед каждым Переходным тестом, – прибавляет он.

– По мнению профайлера, дух кандидата Арники уже достаточно силен. – Солара мягко улыбается. – А я подтверждаю, что ее физические показатели также соответствуют требованиям Перехода. Кое в чем, конечно, самый минимум, но общей картины это не меняет. Она прошла Переход.

– И что нам теперь делать? – интересуется Финн у Нестора.

– Для начала нам нужно выполнить стандартный протокол. Третий этап собеседования – проверка на рендер-совместимость, – замечает Солара.

Нестор кивком подтверждает правильность ее слов и вновь обращается к моему профилю. Отыскав нужный раздел, он пробегает его глазами и хмурится.

– У нас проблемы, – он смотрит на меня. – Я понял, откуда такие физические показатели, зачем ей нужно было так... следить за собой. – Его взгляд по-прежнему бесстрастен, но теперь я различаю в нем сочувствие, самую малую толику. Нестор медлит, видимо, пытаясь подобрать слова, и я холодею, догадываясь, что он скажет дальше.

– Что не так? – Солара хмурится.

– Кандидат Арника действительно достойна формы Корпуса. Но... Мне жаль, Солара, – Нестор переводит взгляд на капрала. – Она не подвергалась Ускорению. Она Несовместимая.

* * *

Арголис – вот где мой настоящий дом. Не этот тесный бункер под мертвым городом, названный Свободным Арголисом, а тот прекрасный город под открытым небом, который нам пришлось оставить. Мне было три года, когда мы бежали из захваченного Арголиса. Я хорошо помню свой страх. В научном центре было много детей, и все кричали, так громко... Мама была со мной, качала меня на руках, пытаясь успокоить, но я кричала, кричала вместе со всеми...

А потом я заснула, а проснулась уже в другом месте. И мама больше никогда не брала меня на руки.

Но сейчас не это главное.

Мне было уже три года, когда мы оказались здесь, в бункере. И это можно назвать самым большим невезением за всю мою жизнь.

До бункеров дошла толпа силентов и горстка ученых, сопровождавших маленьких детей. Детей было очень, очень много, а заботиться о них было некому. Нам повезло, что Терраполис был городом науки: в его бункерах обнаружилось множество замечательных технологий, о каких мы прежде не знали. Можно сказать, что нас спасла именно одна из этих технологий. Зал Ожидания был только в самом первом бункере, поэтому мы в нем и остановились. Зал Ожидания, рассчитанный на несколько тысяч человек, был создан для людей, страдавших неизлечимыми болезнями, с которыми не могли справиться лечебные модули. Больного человека помещали в стазис-кабину, которая останавливала для него время. Он мог пробыть там сколько угодно, пока врачи не найдут способ излечения. Я читала, что зал Ожидания наверху, в самом Терраполисе, был в десятки раз больше – но все, кто там находился, погибли во время Волны.

Детей, кроме самых старших, которые уже умели ходить и говорить, поместили в Ожидание. Я была среди тех, кого оставили бодрствовать. Я помню, что за нами присматривали две женщины, помню, как они пытались приучить нас есть невкусные протеиновые батончики. И помню, как они приводили к нам силентов, наших родственников, я бросалась обнимать свою маму, а она лишь равнодушно смотрела на меня...

А потом, через полтора года, наши ученые изобрели Ускорение.

Они взяли за основу технологию Терраполиса – инкубатор, который позволял в краткие сроки вырастить взрослое животное. Самих животных в бункере не было, видимо, их просто не успели завезти. Наши ученые усовершенствовали эту технологию таким образом, чтобы в течение двух месяцев младенец мог превратиться в тринадцатилетнего подростка. К сожалению, подвергнуться Ускорению могли лишь те дети, которых оставили в стазисе, в зале Ожидания. Маленькие дети. Я уже была слишком взрослой для этой программы. Детей стали будить небольшими группами, ускорять их – и вскоре за мной и за такими как я присматривали уже не взрослые, а ускоренные подростки.

– Черт, – Солара отвлекает меня от моих мыслей раздосадованным хлопком по столу. – Выходит, у нее нет профиля совместимости, необходимого для лечебного модуля.

Я вздрагиваю, услышав о лечебном модуле. У меня никогда не было ни переломов, ни серьезных болезней – и поэтому порой я совсем забываю о том, что я тоже Несовместимая. Как Гаспар. Окажись я на его месте, меня бы тоже не спасли.

Лечебный модуль способен залечить самые страшные повреждения за считанные минуты – но только если у тебя есть профиль совместимости... А его можно составить

только в процессе Ускорения. Слишком много времени на это уходит, ведь профиль совместимости – это как резервная копия, цифровой слепок организма, который содержит информацию о каждой клетке. Это работает так: ломаешь, например, правую руку, и модуль восстанавливает ее в соответствии с профилем. Если в последний раз твой профиль обновляли два года назад – что же, получишь руку двухгодичной давности, и она может оказаться меньше, чем левая, забавно, правда?

Наши ученые пытались найти способ сократить время составления профиля, чтобы можно было лечить и других людей, не только Ускоренных. Терраполис же не знал технологии Ускорения, но модули ведь как-то работали. Но за пятнадцать лет, что мы здесь, этот способ они так и не нашли.

– Шанс невелик, – говорит Финн с ухмылкой. – Несовместимая вряд ли потянет рендер.

– Я все равно настаиваю на проверке рендер-совместимости. – Солара скрещивает руки на груди.

Нестор пожимает плечами.

– Не вижу в этом смысла, – говорит он. – Все команды курсантов уже укомплектованы. Даже если она сможет удержаться в рендере, что маловероятно, – вряд ли кто-то из капралов захочет взять в отряд Несовместимого.

– Который, вдобавок, не был рекрутом, – добавляет Финн, с довольной ухмылкой посмотрев на Солару.

– Твой кандидат непригоден, Солара.

Слова Нестора звучат как приговор. Меня окатывает волна внезапного гнева. Ладони сжимаются в кулаки. Плевать, что однажды Нестор помог мне, – сейчас я хочу вскочить и накричать на него, врезать ему по спокойному, бесстрастному лицу. Он не может, не должен так говорить! Но мне становится легче, когда я перевожу взгляд на Солару. Ее упрямое выражение лица говорит о том, что для меня еще не все потеряно. Прикусив губу, она смотрит на меня, качая головой. Затем, неожиданно усмехнувшись, капрал Солара переводит взгляд на Финна.

– Я возьму ее. – В ее голосе звучит вызов. «А на это ты что ответишь, Финн?» – читаю я в ее горящих глазах и понимаю, что она делает это не потому, что я хороший кандидат, и не потому, что вдруг прониклась ко мне симпатией. Она поступает так наперекор Финну. Нестор, видимо, тоже это понимает.

– Теперь мне ясно, почему Виктор попросил подменить его, едва услышав ваши имена, – вздыхает он, затем более строгим голосом прибавляет: – Ваши выяснения отношений здесь совершенно неуместны. Капрал Солара, я посоветовал бы вам как следует обдумать ваше решение.

– Командор Нестор, мое решение окончательное. Я возьму ее в свой отряд.

Нестор заглядывает в свой планшет.

– Согласно моей информации, ваш отряд уже укомплектован.

– Ей уже достался Берт, а она еще и Смотрителя с несовместимостью хочет взять. Не видать тебе в этом году хорошей статистики, – говорит Финн с притворным сочувствием в голосе.

– Рада, что ты все еще интересуешься моими делами, Финн, – язвительно отвечает ему Солара и поворачивается к Нестору. – Но он прав. У меня в отряде Берт, который еще не может участвовать в спаррингах. Зато, согласно правилам, в таком случае разрешено взять еще одного человека.

Нестор неожиданно улыбается:

– Умный ход, капрал Солара. Возьмете Смотрителя в отряд – и всеобщее внимание тут же переключится на нее, а Берта все оставят в покое.

– Но я не... – пытается возразить Солара, но Нестор жестом приказывает ей не перебивать.

– Это действительно умный ход. Но подумайте вот о чем: в словах Финна есть доля правды. У вас в отряде Берт, с которым явно будут проблемы. Я не спорю, у Берта огромный потенциал. Может быть, он есть и у этого кандидата, но представьте, сколько времени вам придется потратить на них обоих. Возможно, однажды они смогут стать достойными курсантами, но сейчас их присутствие в вашем отряде сильно ослабит его как боевую единицу. – Нестор качает головой. – Я бы не стал ее брать.

Солара медлит с ответом, и я невольно задерживаю дыхание. Слова командора поколебали ее уверенность и заставили задуматься.

– Будешь нянчиться сразу с двумя? Думаешь, справишься? – Финн смеется. – Тогда приготовься постоянно проигрывать.

Солара выпрямляется. Я вновь хочу от всего сердца поблагодарить Финна, теперь уже за то, что он не умеет держать язык за зубами, потому что Солара говорит мне:

– Потянешь рендер – и ты в моем отряде.

* * *

Я никогда прежде не проходила проверку на рендер-совместимость, поэтому слабо представляю, что меня ждет. Нестор достает из рюкзака небольшой кейс. Раскрыв его, он вынимает визор, целиком сделанный из какого-то прозрачного материала, и кладет его передо мной. Когда я надеваю его, Нестор нажимает на одну из широких дужек – и на пару мгновений все перед моими глазами завлакивается туманом.

– Подстройка визора завершена. – Командор зачем-то снимает свой идентификационный браслет и быстрым движением защелкивает его на моей руке. Затем он протягивает мне на ладони два шарика-наушника. Я вставляю их в уши. Они лишь немного ухудшают слышимость, и больше ничего.

Нестор просит меня встать на свободное место и, заглянув в свой планшет, кивает:

– Браслет в процессе подключения. Датчики в наушниках активированы. Капрал Солара, проследите за физическими показателями. – Он отдает ей планшет, а сам ставит на колени раскрытый кейс. – Перехожу к погружению.

Нестор нажимает какую-то кнопку внутри кейса – и я чувствую, как наушники теплеют и увеличиваются, полностью перекрывая слуховой проход. Все звуки исчезают. Еще мгновение – и я слепну, проваливаясь в крошечную темноту.

Я лихорадочно оглядываюсь по сторонам, пытаюсь хоть что-то разглядеть. Но нет, ничего не вижу и не слышу, вокруг лишь пустота, бездонная тьма. Я пытаюсь что-то сказать – но даже собственный голос словно перестал существовать. Я теряю себя, мне кажется, что темнота вот-вот меня поглотит. Я задыхаюсь, нечем дышать, воздуха не хватает. Ноги подкашиваются, и я на что-то падаю, едва успевая выставить руки вперед.

– У нее паника. Пульс зашкаливает. – Взволнованный голос Солары едва слышно, словно она находится где-то очень далеко. – Ее сейчас выкинет!

– Закройте глаза и успокойтесь, – звучит голос Нестора совсем рядом.

Я следую его совету и, закрыв глаза, успокаиваю дыхание. В области виска неприятно покалывает, и я слышу бешеный стук собственного сердца, который постепенно замедляется.

Под моими ладонями что-то мягкое.

– Показатели стабильны. Можешь открыть глаза, Арника, – говорит Солара, и я осторожно их приоткрываю.

Что-то яркое, желтое и красное. Приподнявшись на руках, я понимаю, что это разноцветные опавшие листья, они здесь повсюду. Повернувшись, вижу дерево, но не такое, как деревья в нашей оранжерее, а очень старое, с широким стволом. Головокружение все еще ощущается, поэтому поднимаюсь с большим трудом. Задираю голову, желая увидеть, какой высоты это дерево, – и замираю. В памяти всплывает нужное слово: лес. Я вижу вокруг себя много, очень много других деревьев, таких же старых и необычайно высоких, тянущихся к серому небу.

– Скоро будет дождь, – говорю я дрожащим голосом. И повторяю: – Скоро будет дождь. Я вспоминаю, что где-то рядом по-прежнему находятся Нестор, Финн и Солара.

– Это место... Оно существует на самом деле? – стараясь, чтобы голос больше не дрожал, обращаюсь к невидимым наблюдателям.

– Не отвлекайтесь. Скоро будет моя любимая часть. – Голос Финна непривычно мягок.

Ступая вперед, я слышу, как сухие листья мягко шуршат у меня под ногами. Волшебный звук. Делаю еще шаг, и еще – только для того, чтобы услышать его вновь. Внезапный порыв ветра подносит маленький листок, который падает, кружась перед моим лицом. Я ловлю его и подношу к глазам и, только рассматривая тонкие зеленоватые прожилки на темно-красном фоне, вспоминаю, что больше не бывает туч серого цвета. С гибелью Терраполиса изменилась атмосфера – процин окрасил небо в карминно-красный цвет, как у этого листа.

Странный звук, шорох, который набирает силу. Дождь. Я чувствую, как на меня падают первые капли, и, закрыв глаза, глубоко вдыхаю, пытаюсь запомнить запах осеннего леса. Я подставляю дождю лицо, и... И все заканчивается.

Когда открываю глаза, я вновь обнаруживаю себя в комнате, которая теперь кажется совсем тесной. Смотрю на свою руку, в которой мгновение назад держала листочек, но, конечно же, в ней ничего нет. Я снимаю визор и осторожно кладу его на стол, затем вынимаю из ушей уменьшившиеся наушники.

Финн, зайдя за спину Нестору, смотрит на результаты теста и ухмыляется:

– Зрение, слух, обоняние, осязание – она целиком воспринимает рендер. – Он поднимает голову. – Теперь тебе от нее не отвертеться, Солара.

Та снимает с моей руки браслет и возвращает его командору. И только потом задает волнующий нас обоих вопрос:

– Что это было? В самом начале, командор, что с ней было? Как будто она впервые в рендере.

– Та к и есть. – Голос хрипит, и я кашляю.

– Вы никогда не были в рендере? – удивляется Финн. Я отрицательно качаю головой. – Даже в Школе?

Его вопрос кажется мне странным.

– Будь я в рендере раньше, мне не пришлось бы проходить этот тест, разве нет?

Капралы переглядываются. Нестор хмыкает:

– Точно. Вы же Ускоренные, Финн и Солара, оба с восьмого года, кажется? Откуда вам знать, что рендер в Школе не сразу появился. Она его просто не застала... Школьный рендер намного проще. Подходит даже для совсем слабых Несовместимых, – поясняет Нестор, повернувшись ко мне. – А вы выдерживаете и тренировочный.

– Как он работает? – интересуюсь я. – Все выглядело таким реальным...

– Не спеши, тебя ждет целая лекция. – Солара улыбается, но под холодным взглядом командора ее улыбка меркнет. У меня по спине пробегает дрожь, и я опускаю глаза, жалея о том, что не смогла сдержаться любопытство.

– Вы выдерживаете тренировочный рендер, – продолжает Нестор. – Но с большим трудом. Рендер заставляет ваш мозг и всю нервную систему работать в полную силу, а так быть

не должно. Рано или поздно у вас могут начаться проблемы, а в рендере пойдут помехи... Теперь решать только вам.

– Смотритель или курсант? – говорю я, продолжая смотреть вниз.

– Кажется, вы первый человек, у которого есть такой выбор.

– А есть шанс, что она сможет завершить подготовку? Что ей хватит времени, пока... не появятся проблемы? – Краем глаза я вижу, что Солара нервно покусывает ноготь.

– Не могу сказать. Может, она еще привыкнет к рендеру, и все будет в порядке.

Я продолжаю смотреть в пол и поднимаю голову только тогда, когда понимаю, что в комнате повисла тишина. Капралы и командор Корпуса смотрят на меня с вопросом в глазах. Пришло время сделать выбор – но для меня самой все было очевидно с момента прихода сюда. Чего бы мне это ни стоило – разве могу я не выполнить последнюю просьбу Гаспара?

– Курсант, – говорю я, глядя Нестору прямо в глаза.

Часть III. Курсант

Глава 1

Работа приемного пункта завершена. Сегодняшний день для приемной кампании был последним. Финн и Солара пакуют оборудование для тестов, чтобы вернуть его на уровни Корпуса. Нестор ушел сразу же, как только мы покинули комнату для собеседований, и теперь ничто не мешает двоим капралам перекидываться язвительными репликами. О моем присутствии они будто забыли, и я, пользуясь этим, заняла единственный стул в комнате и теперь рассматриваю Финна и Солару, гадая, что же между ними произошло. Я не вслушиваюсь в то, что они говорят, это не имеет значения – мне интересны их лица. Так много эмоций, таких противоречивых... Сейчас им явно некомфортно находиться рядом. Переругиваясь, они стараются не смотреть друг на друга – но это не мешает им действовать слаженно. То, как они двигаются... Это завораживает.

– Вы из одного отряда? – зачем-то произношу вслух свое предположение.

Солара умолкает на середине фразы и смотрит на меня сердито. Она уже размыкает губы, явно намереваясь сказать, что это не мое дело, но в эту минуту открывается дверь пункта.

– Опять ядом друг друга поливаете?

Сначала я слышу звонкий голос, затем на пороге появляется девушка. Эмблема капрала Корпуса приколотая на легкое бежевое платьице – почти такое же Мика надевала по праздникам вместе со своими любимыми туфлями. Но сейчас я вижу на ногах незнакомки высокие форменные ботинки. Вошедшая девушка примерно одного со мной роста, но почему-то она кажется совсем маленькой. У нее большие синие глаза и стоящие торчком темные короткие волосы.

– Мы сделаем паузу. Только ради тебя, Валентина. – Финн улыбается вошедшей. Точно такая же улыбка появляется на лице у Солары.

– Не думаю, что у вас получится. Не удержитесь. – Валентина смеется, но затем напускает на себя серьезный вид. – Я, конечно же, рада вас видеть, но вы выдернули меня посреди учета. А у меня в мастерской после приемной кампании творится полный хаос, поэтому я хочу услышать вескую причину. Что вам от меня нужно? – У нее интересная манера речи – она говорит очень быстро, проглатывая некоторые звуки.

– Тут еще один курсант. – Финн кивает в мою сторону, но Валентина на меня даже не смотрит.

– Я думала, все отряды уже укомплектованы. Сол, ты же сама позавчера мне говорила об этом, – хмурясь, говорит она.

– Особый случай, – замечает Финн с усмешкой на лице.

Валентина поворачивается ко мне и пристально рассматривает. Она чем-то озадачена. Закусив губу, она обходит меня кругом, затем приближается, всматриваясь в мое лицо.

– Не помню. – В ее голосе звучит нота досады. – Сол, почему я ее не помню?

– Ты не можешь ее помнить, потому что не работала с ней. Она не была рекрутом, – поясняет Солара, протягивая Валентине планшет с моим профилем на дисплее. – Здесь все ее параметры.

– И ты берешь ее к себе?! – восклицает Валентина, найдя глазами нужную строчку. – Ты спятила?

Спохватившись, она прикрывает рот ладошкой и виновато смотрит на меня.

– Арника, верно? – робко обращается она ко мне.

Я киваю.

– Она не была рекрутом, поэтому ей нужен полный комплект. Браслет, тренировочная форма и далее по списку, – говорит Солара. – Позаботишься об этом?

Валентина качает головой.

– Меня вызвали внезапно. Я ничего не брала с собой, так что придется дойти до мастерской.

Солара кивает и обещает позже зайти за мной и показать дорогу в казармы. Вместе с Валентиной мы покидаем приемный пункт. Как только оказываемся за дверью, она просит не обращать внимания на то, что она капрал, и обращаться к ней только по имени. Я не возражаю.

Мы идем в обход основных лестниц между уровнями. Валентина ведет меня каким-то сложным путем. Я хорошо знаю расположение переходов между уровнями, но о некоторых прежде, оказывается, даже и не догадывалась.

– Часто приходится бегать по разным пунктам, – поясняет Валентина, видя мое удивление. Минуту спустя она замедляет шаг со словами: – Извини за то, что я там сказала. Вырвалось. Просто впервые слышу, чтобы кто-то брал кандидата без рекрутской подготовки. Тем более странно, что на это пошла Солара – она обычно отбирает лучших. У нее очень высокие требования, а тут... – Она замолкает, закатывая глаза. – Ну вот. Кажется, я только что обидела тебя еще раз, – говорит она, вздыхая.

– На самом деле... – неуверенно начинаю я, сомневаясь, стоит ли об этом говорить. Но Валентина внимательно смотрит на меня, поэтому я продолжаю: – Думаю, мне просто повезло, что там присутствовал Финн.

Валентина останавливается.

– А ведь и правда. Ты знаешь, Финн и Солара... Они ведь замечательные. Каждый из них – хороший друг и замечательный наставник. Но с недавних пор, оказываясь в одном помещении, эти двое становятся совершенно невыносимыми. Впрочем, даже когда они были вместе, все было... – Валентина запинается посреди фразы и, охнув, растерянно смотрит на меня. – Солара теперь твой командир и мне совершенно точно не стоило этого говорить.

У нее такой несчастный вид, что я невольно улыбаюсь. Миниатюрная, излишне разговорчивая девушка с эмблемой капрала. Она... забавная. Да, это слово подходит для Валентины лучше всего.

– Если они стараются это скрыть, то им это плохо удастся, – говорю я и получаю в ответ благодарный взгляд.

Я понимаю, что мы перешли на уровень Корпуса, когда очередную дверь Валентина открывает с помощью браслета. Еще пара коридоров – и мы оказываемся у небольшой деревянной двери, которая также открывается браслетом. Валентина приглашает меня пройти внутрь, но я все еще рассматриваю дверь. Она деревянная – деревянная дверь в подземном бункере! Заметив мой взгляд, Валентина улыбается:

– Представляешь, на складе нашла. Она из настоящего дуба, было раньше такое дерево. Думаю, ее сделали еще в Старом Море, ведь в Терраполисе каждое дерево на счету было. – Она бесцеремонно втягивает меня в комнату, схватив за руку. Я оказываюсь в просторном помещении, которое все заставлено стеллажами с рулонами ткани и какими-то коробками. Здесь царит полумрак, освещен лишь большой стол у входа.

– Мне нужно снять с тебя мерки, – говорит Валентина и просит меня встать рядом со столом. Отойдя в сторону, она достает из кармана три небольших шарика. Подбросив на ладони, она неожиданно кидает их в мою сторону. Я пытаюсь увернуться, но этого и не нужно: шарики резко останавливаются сантиметрах в двадцати от моего лица. Зависнув в воздухе, они медленно опускаются вниз, вдоль моего тела, затем поднимаются обратно.

– Отлично, – говорит Валентина, подходя ко мне и убирая шарики в карман. Затем она поворачивается к столу, над которым появляется голограмма, постепенно прорисовывающееся объемное изображение моей фигуры. – Ого! – восклицает она, переводя взгляд на меня. – А на вид, из-за твоего комбинезона, и не скажешь, что у тебя вообще есть мышцы... В чем твой секрет? – наклонив голову, прибавляет она, вновь вернувшись к изучению голограммы.

– Изнурительная работа и невкусная еда в столовой, – немного неудачно отшучиваюсь я и чувствую укол в сердце. Я умолчала о постоянных тренировках в оранжерее.

Их больше не будет. Никогда.

Валентина говорит, что ненадолго выйдет, и исчезает за стеллажами – видимо, там еще одна дверь, судя по громкому хлопку, с каким она закрывается за девушкой. Я закрываю глаза, и у меня вырывается произвольный смешок. Похоже, каждая дверь в этом бункере обладает своим уникальным неприятным звуком. Через какое-то время хлопок двери повторяется, затем я слышу шорох: видимо, Валентина ищет что-то на стеллажах. Она выходит из-за стеллажей, слегка растрепанная и с озадаченным видом, держа в руках сверток.

– Все, что смогла найти. Всю тренировочную форму для курсантов разобрали, а я думала, что больше в этом квартале и не понадобится... Осталась только эта, но она на четыре размера больше, и... Она мужская, – виновато заканчивает Валентина. – Может, походишь в ней, пока мы тебе новую не сошьем?

Я качаю головой:

– Лучше пока останусь в комбинезоне Смотрителя. Он велик мне всего лишь на два размера.

Валентина явно расстроена, но внезапно ее лицо светлеет.

– Перейдем к обсуждению боевой формы?

– Боевой формы? – переспрашиваю я.

Валентина широко улыбается. Кажется, этот момент в работе нравится ей больше всего.

– Каждый комплект боевой формы – это произведение искусства. Я снимала мерки для того, чтобы создать ее точно по твоей фигуре. Теперь давай, расскажи мне, как будет выглядеть твоя идеальная форма? Учту все пожелания.

– Эмм... – Вопрос застает меня врасплох. – Ну... если она не будет мне велика... это уже идеально.

– Сосредоточься. – Валентина смотрит на меня, явно ожидая каких-то деталей. А я не знаю, что ей сказать. Не имею ни малейшего представления. Мне всегда было все равно, что носить, ведь выбора особого-то и не было. Вся предназначенная для Смотрителей одежда имела универсальные размеры, поэтому ее вечно приходилось ушивать и укорачивать, а я в этом была не сильна. Когда мне помогала Микелина, в результате получалось нечто сносное, но если за шитье бралась я... В общем, я носила то, что мне выдавали, и старалась не задумываться, как выгляжу. Но сейчас, глядя в горящие глаза Валентины, я понимаю, что обижу ее своим молчанием. Нужно что-то сказать, прямо сейчас, и поэтому я опускаю взгляд на свои ботинки.

– Было бы неплохо получить обувь подходящего размера. Чем легче, тем лучше. И с небольшим каблучком, сантиметра три-четыре, широким и устойчивым. – Я пытаюсь приподняться на носках, но не выходит. – Мягкая подошва. И никаких шнурков. Ненавижу шнурки, вечно развязываются. Пожалуй... все.

– А одежда? Какими будут пожелания? – спрашивает Валентина, старательно записывая все, что я сказала.

Пожимаю плечами:

– Мне все равно.

– Изготовление боевой формы с учетом элементов брони займет где-то пару дней, с тренировочной примерно так же, – немного нараспев проговаривает Валентина. – У меня ткань для тренировочной формы закончилась, – поясняет она, – а на складах сейчас все так медленно оформляется... – она вздыхает.

Подойдя к столу, Валентина разворачивает принесенный сверток. Отложив в сторону не пригодившуюся форму, она выкладывает на стол браслет и жетон с эмблемой курсанта Корпуса. Я беру жетон, подношу его к глазам, чтобы рассмотреть, и с удивлением замечаю, что под эмблемой уже выбито мое имя. Валентина, улыбаясь, забирает жетон и осторожно закрепляет его на нагрудном кармане моего комбинезона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.